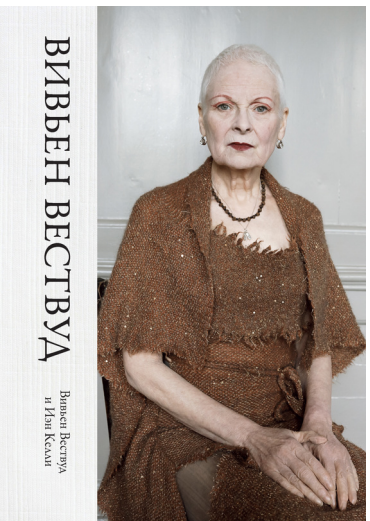

Иэн Келли
Вивьен Вествуд
Вивьен Вествуд
Серия «Персона (Азбука-Аттикус)»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17033403
Вивьен Вествуд: КоЛибри, Азбука-Аттикус; М.: 2015
ISBN 978-5-389-10891-2

Аннотация

Автобиография Вивьен Вествуд, записанная Иэном Келли и дополненная воспоминаниями родных и друзей королевы панка, – захватывающая история талантливой женщины с сильным характером, пробившей себе дорогу к славе. Она увлекалась роком, создала панк, над ней смеялись журналисты, ее оскорбляли прохожие, когда она появлялась на улице в своих экстравагантных нарядах. Вивьен намного опередила свое время. Она трудилась до изнеможения, построила гигантскую империю и поднялась на вершину модного Олимпа. Ее коллекции стали классикой и образцом для будущих дизайнеров. Вивьен любит жизнь и по-прежнему творит, восхищая современников своими работами.

Содержание

Все связано	6
Девочка в платье экономичного кроя	32
Да здравствует рок	49
Свадебное платье миссис Вествуд	66
Юбка грязно-бирюзового цвета	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Вивьен Вествуд, Иэн Келли

Вивьен Вествуд

© Зотина Т., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015

КоЛибри®

* * *

Мой долг – понять. Понять окружающий мир. Понимание – плата за счастье быть живыми. Люди, жившие до нас, оставили нам произведения искусства, которые позволяют увидеть мир с разных сторон, – в этом и состоит истинное призвание культуры, – и, сравнивая разное восприятие действительности, мы формируем собственное представление о мире, гораздо лучше, чем тот, в котором мы живем и который испортили. Нам под силу изменить будущее. Стремясь воплотить свои идеи, ты начинаешь задумываться, и это меняет твою жизнь. А меняя свою жизнь, ты меняешь мир.

Вивьен Вествуд, 2014

Все связано

Ребенок смотрит на мир свежим взглядом; гению доступно по собственной воле вернуться в детство.

Бодлер. Поэт современной жизни

Нельзя танцевать, не видя за танцем историю.

Рудольф Нуреев

Неделя высокой моды в Париже. Коллекции весна/лето 2014.

«Не расспрашивай меня, Иэн, я сейчас очень, очень занята».

Я пишу это, устроившись под вешалкой с одеждой, – а надо мной висит куча платьев стоимостью девяносто тысяч фунтов стерлингов. По одну сторону от меня работает, игнорируя все вопросы, Вивьен Вествуд в плотно сидящей на голове вязаной шапочке и поношенном кардигане – прикалывает блестящие аппликации к трикотажным вещам. По другую сторону стоит, покачиваясь, почти обнаженная модель в высоких туфлях на платформе. Наш выход где-то во второй половине показа. А сейчас глубокая ночь.

Вот что вы должны знать о Вивьен.

Она кажется неутомимой. Уже недолго до рассвета, а она выглядит бодрой и работает так же усердно, как ее помощники, которые лет на пятьдесят ее моложе.

Выглядит она бесподобно; «у нее фарфоровая кожа» – так описала мне Вивьен ее подруга Трейси Эмин. И кажется, она живет на одних только яблоках и чае.

Она невероятно умна, и пусть эксцентричные выходки этой англичанки вас не смущают: ее ум острее булавок, приколотых к рукаву.

Она немного тугоуха. Полагаю, это тактический ход, отлично помогающий ей ограждать себя от недовольства окружающих.

Но самое важное, что я узнал о Вивьен, – это то, что ей, несмотря ни на что, удалось остаться ребенком. Ребенком с широко распахнутыми глазами. Любознательным. Открытым. Упрямым. Порой невежливым. Удивительно преданным и любящим других людей. С переменчивым характером. Ребенком, который любит наряжаться. Который в основном хорошо себя ведет. Но иногда может на кого-нибудь сорваться.

Возможно, вы подумаете, так вести себя не пристало женщине 73 лет. И не подобает Даме ордена Британской империи, главе всемирно известной марки одежды и одной из самых знаменитых англичанок на планете. Возможно, подумаете вы, ее поведение не очень-то подходит для великого кутюрье, участвующего в Парижской неделе моды, притом что она и так может довольствоваться своими лаврами и преспокойно почивать на них: ведь она «Коко Шанель нашего времени», ее на Дальнем Востоке знают лучше, чем королеву или Мадонну, и она до сих пор, на восьмом десятке, каждый день ездит на работу вниз по мостовой района Баттерси на велосипеде.

Если так, рассказ о ней вас вряд ли заинтересует. Если вы считаете, что мода – сплошная мишура, а у семидесятилетних прав не больше, а даже меньше на то, чтобы предрекать, что ждет нас в будущем, и на то, чтобы считаться образцом прошлого, – отложите эту книгу в сторону. Как мне на днях сказала Вивьен, «зато деревья сбережем».

С другой стороны, если вы можете отправиться в путь с этой бабушкой стиля панк, которая еще в строю и яростно отстаивает свои убеждения и представления о прекрасном, тогда как, будем честны, большинство ее современников устроились в удобных мягких креслах с высоким подголовником и предаются воспоминаниям, – читайте дальше. Вы наверняка будете поражены и узнаете много неожиданного о том, как работает ее исключительный ум.

Проведя с Вивьен год, я тоже многому поражаюсь. Год для меня оказался волшебным и ослепительным. Ведь это повествование не просто о моде, а о чем-то гораздо большем, хотя и скрепленное историями о ней.

«Иэн, слушай, прошу тебя сейчас помолчать. Я думаю. Пойди выпей чего-нибудь. Выпивка бесплатна. А я – нет».

Вот что еще вы должны знать о Вивьен: она умеет рассмешить.

Третий час ночи, 26 сентября 2013 года, нам осталось 70 часов. Через 70 часов Париж впервые увидит новую коллекцию одежды от Вивьен Вествуд. Линия одежды «Gold Label» является флагманской для компании «Vivienne Westwood Group», так что презентация коллекций этой линии каждые полгода в Париже (весна/лето и осень/зима) для Вивьен является самым значимым творческим событием года. Хотя коллекции Вивьен для других линий, например «Red Label» (готовая одежда) и «Red Carpet» (одежда для красной ковровой дорожки), и вспомогательные линии вроде «Англomanии» («Anglomania»), а также линия мужской одежды («MAN»), в рамках которых ее идеи и сшитые по лицензии классические модели распространяются в других странах, демонстрируются в Милане, на Дальнем Востоке и в других частях света, премьерные парижские показы она считает самыми главными. Как и все остальные кутюрье из больших домов мод, в эти дни заполняющие до отказа отели в окрестностях Вандомской площади. Все – Chanel, Dior, Prada, Comme des Garçons – демонстрируют на этой неделе свои коллекции от-кутююр. (Теперь от-кутююр норовят писать в кавычках, ведь никто нынче не творит «настоящую высокую моду», такую же, как создавали в зените славы Ив Сен-Лоран или Баленсиага.) Несмотря на усиление конкуренции со стороны новых столиц моды: Нью-Йорка, Лондона, Милана и Гонконга, – в последние десятилетия все эти эксклюзивные, убыточные, но определяющие лицо марки коллекции и сегодня выставляются в витринах парижских магазинов. Большинство коллекций не дают прибыли, хотя Вивьен с гордостью говорит мне, что ее «Gold Label» постепенно начинает приносить доход благодаря спецзаказам. Парижская неделя моды – кульминация модного года, тут через каждые несколько часов идет новый показ, а по тротуарам города толпами снуют, разговаривая по телефону, худые как спички женщины на высоких каблуках. Вот честно: лучше посторонитесь. Все эти показы – разборки модников и журналистов из изданий о моде, ватаги лощеных покупателей и моделей, фотографов и просто халявщиков, а еще – события, ради которых лондонская студия Вивьен Вествуд, ее итальянские закройщики и обувные мастерские трудятся многие месяцы. Новую коллекцию Вивьен назвала «Все связано». Я сам отправляюсь в Париж, когда хочу вкусно поесть или произвести впечатление на девушку. Но на этот раз впервые, черт возьми, меня не ждет ни то ни другое, зато впереди поучительный во всех смыслах опыт.

За десятилетия работы Вивьен дизайнером мода сделала невероятный скачок в сторону коммерциализации. В истории жизни Вествуд отражается сейсмический сдвиг в моде и в том, что она значит для экономики таких западных стран, как Великобритания. Когда-то давно модные наряды создавались для крайне привилегированной кучки женщин, которым нужны были платья для выхода в свет и посещения дипломатических встреч, скачек и чаепитий. Одежда, которую они носили, относительно быстро стала частью массовой моды – ее тиражировали при помощи модных журналов и распространения выкроек, ее без стеснения копировали. При этом серьезные дома мод шили баснословно дорогую одежду на заказ в небольших количествах, хотя именно это показывало, как много человек участвует в ее изготовлении. Сегодня коллекция от-кутююр продается с большими убытками, притом что на ее создание тратятся невероятные деньги. Один-единственный наряд от Вивьен Вествуд, проданный с подиума, может стоить от двух до шести тысяч фунтов, хотя были у нее и такие, что стоили раз в десять дороже. И это только небольшая часть потраченной на его

изготовление и маркетинг суммы, ведь каждая такая вещь – предмет искусства, на создание которого уходят тысячи человеко-часов и над которым трудятся десятки суперпрофессионалов. Высокая мода нерациональна. Цель создания коллекций от-кутюр – привлечь к марке как можно больше внимания, причем теперь все больше через Интернет, чтобы кто-нибудь купил право на производство похожих моделей или на использование имени участвовавшего в парижском показе модельера. При всем том демонстрируемые в Париже коллекции – мода в самом чистом виде, мода как искусство. Мода, отражающая свое время. Мода, которая, как сказала Вивьен, даже может изменить мир.

Так вот, наряды с показов привлекают внимание такого невероятного числа зрителей и особенно посетителей разных сайтов, что оно намного превышает количество носящих и даже создавших их людей. На Парижской неделе моды наблюдается удивительнейший феномен наших дней – очередное всемирное увлечение модой, новым языком, используемым в основном в Интернете. В этой моде тесно переплелись дизайн и маркетинг, любовь к славе, искусство, чувственность и политика, она не имеет явных параллелей в нынешней истории культуры, но о ней можно составить представление по ранним работам Вивьен в стиле панк, соединявшим в себе моду, музыку, блеск славы и дух времени. Так что не надо думать, что мода – лишь мишура для богатых стерв. Иногда это и вправду так. Однако мода также охватывает большую часть мировой экономики и выражает идеи, коими живет Европа. Мода – витрина магазина. Во время недели моды Париж становится метафорой пути, по которому следует мировая экономика, огромной бурлящей ярмаркой. В то же время Парижская неделя позволяет продвигать стиль Старого Света, в котором переплелись мода, музыка и новое представление о человеческом бытии. И конечно, это продажи, причем все больше в Китай.

Сотни тысяч людей следят за происходящим на Неделе моды через Интернет. На одних только показах Вивьен присутствуют толпы профессионально пишущих о моде журналистов и блогеров, представляющих развивающиеся рынки Дальнего Востока, Бразилии и России и заостряющих на разных деталях внимание множества пристально следящих за модой людей – сидящих дома или в офисах или мчащихся по центру Гонконга, Сан-Паулу или Москвы. Кабельное телевидение, а теперь и Интернет кардинально изменили мир моды, и самое яркое тому подтверждение – именно Вивьен Вествуд, чье имя известно во всем мире прежде всего благодаря парижским неделям моды. Столица Франции – международный центр продажи аксессуаров и духов, а также журналов, кормящихся за счет моды и вращающихся вокруг породившего их мира – мира от-кутюр. И в центре этого круговорота – Вивьен, бывший панк и хозяйка магазинчика на Кингз-Роуд, а сейчас – сама по себе эксклюзивная торговая марка с мировым именем, сохранившая ироничное, веселое отношение к модному бизнесу и показам и, несмотря на окружающий ее хаос, спокойствие и преданность красоте, особенно красоте, облаченной в ткань. И не переставшая при помощи моды бороться за высшие цели искусства и политики, какими она их видит, и за самые высокие стандарты создаваемых ею вещей.

Следует сказать, что Неделя моды в Париже – один из немногих периодов в году, когда Вивьен Вествуд – бич консервативного британского общества, мать, бабушка и борец за сохранение дикой природы – обращает свой внимательный взгляд исключительно на то, что сделало ее знаменитой во всем мире, – на одежду. Оставшуюся часть года у Вивьен много и других занятий. Но только не в Париже. Все время в Париже посвящено моде. Так что Неделя моды, вероятно, лучшее время, чтобы попытаться понять Вивьен: сейчас она спокойна и с головой ушла в творчество, хотя и спешит, поглощенная бурной деятельностью, а ведь уже, черт возьми, 4 утра, и это ее обычный ритм жизни. В предстоящие выходные Парижская неделя моды заканчивается, а показ коллекции «Gold Label» станет одним из главных событий закрытия. А до закрытия осталось меньше трех дней...

На этой неделе в старом роскошном здании на Рю-дю-Май, расположенном прямо за Пале-Рояль и Национальной библиотекой Франции, все вверх дном. На нем оставила свой след война, когда-то оно сдавалось квартирантам, здесь в свое время жил Лист, потом располагалось гестапо, а сейчас, в бывшей бальной зале, находится парижский шоу-рум Вивьен Вествуд. Каждый сентябрь эти помещения на три дня превращаются в штаб, в котором ведется подготовка к показу линии «Gold Label» Вивьен Вествуд. Сам показ пройдет в другом месте.

Идя вверх по Рю-дю-Май, я сразу понимаю, где находится шоу-рум Вивьен Вествуд и что там творится. В здание то и дело заходят девушки с невероятно длинными ногами и ясным взором, а выходя, садятся на мопеды к ожидающим их «модельным курьерам». Эти девушки – модели. Они только что прилетели из Милана, как полчища голодной саранчи, неотличимые друг от друга и неумолимо красивые, одетые во все черное, без макияжа на непроницаемых лицах. Они садятся сзади на мопеды и обвивают ногами парней, подрабатывающих «модельными курьерами»: они возят манекенщиц с кастинга на кастинг, а в сумках у них лежат туфли на шпильках. До главных показов осталось два дня, так что сегодня день кастингов. Вслед за девушками я захожу внутрь здания.

Вивьен размышляет над порядком выхода моделей на подиум

Бывшая балльная зала, ныне шоу-рум, разделена на части десятью огромными напольными вешалками для одежды, на которых висит около сотни эксклюзивных нарядов от-кутю – атласных балльных платьев, одеяний из вискозы с греческими драпировками, строгих шерстяных и льняных костюмов, трикотажных платьев. Наряды на миллион фунтов стер-

лингов. У одной стены стоит витрина, в которой представлен весь модельный ряд сумок от Вивьен Вествуд, в другой витрине – украшения. У третьей стены – небольшой склад столов, ширм и мобильных телефонов, рядом с которыми как улей жужжат менеджеры по организации мероприятий, во главе которых знающий свое дело португалец Кико Гаспар, лохотный мужчина, с головы до пят в одежде от Вивьен Вествуд. В четвертом углу сооружено импровизированное ателье, установлена циклорама с яркими лампами дневного света и стоит стол, за которым работает налысо бритый графический дизайнер-итальянец, обрабатывающий фотографии моделей в нарядах для показа, чтобы они стали более четкими и светлыми. Потом их распечатают и перетасуют, как колоду карт, чтобы решить, в какой последовательности модели будут выходить.

Вся одежда, обувь и трикотаж только что были доставлены с итальянских фабрик Вивьен и из ее ателье в Лондоне. А украшения задержались на таможне в Кале. Однако никто, кажется, не переживает и не беспокоится из-за этой неожиданной неприятности. Часть нарядов не сшита даже наполовину, а на раскройных столах среди листов тисненой бумаги с логотипами Вивьен лежат детали платьев. Кастинг моделей – одновременно возможность подогнать вещи по фигуре. Никто и не думает переживать из-за того, что наряды за десять тысяч фунтов еще не сшиты, а просто заколоты булавками и валяются на полу, а до того, как они предстанут миру, осталось всего-то два дня с небольшим. Я перешагиваю через них и проталкиваюсь через очередь из манекенщиц, ожидающих просмотра. На лестнице в бальной зале выстроилась обувь, словно батальон хрустальных туфелек для сотни Золушек-панков. Все что-то бормочут по мобильным телефонам. Я сумел разобрать пять языков.

Такое ощущение, будто поток людей нескончаем, и никто, очевидно, не следит за тем, кто и когда приходит и уходит. Похоже, пропуском для входа является как минимум один предмет одежды от Вествуд на посетителя и крутой вид. Тут может помочь татуировка. В центре комнаты стоит сорокавосемилетний высоченный Андреас Кронталер, муж Вивьен, одним своим присутствием управляющий процессом.

В отличие от тех, кто следит за миром моды, люди, которым известно только имя Вивьен Вествуд, вероятно, не знают, что свои модели она уже два десятка лет создает вместе с Андреасом – своим мужем и творческим партнером. Они познакомились, когда она приезжала читать лекции о моде в Вену, где он учился в ее классе дизайна. Мистер и миссис Кронталер вместе уже около 25 лет, и у них большая разница в возрасте. Но об этом позже. Всем в комнате очевидно, что Андреас наравне с Вивьен является центром происходящего, а что касается Недели моды, так тут у него даже есть преимущество. Он похож на сурового Джереми Айронса, говорящего с акцентом Арнольда Шварценеггера. Из-за всего этого вкупе с будоражающим гипнотическим взглядом и комплекцией тирольского кузнеца, унаследованной от предков, Андреас, кажется, совсем не на месте здесь, в Париже, на неделе высокой моды. Все, включая Вивьен, немного влюблены в него. Но самое серьезное впечатление от приготовлений к показу на меня произвели Вивьен и Андреас за работой, которых я увидел так близко, в довольно стрессовых обстоятельствах, причем эта пара, очевидно, легко и счастливо живет вместе, творит и руководит общим делом.

Сперва не так-то просто заметить саму Вивьен – она где-то за вешалками для одежды, на голове у нее повязка с весьма подходящей надписью «Хаос».

«Иэн, я не могу сейчас с тобой говорить. Мы обязательно поговорим позже».

Призовое приглашение на показ линии «Gold Label», отпечатанное еще до того, как коллекции дали это название

Каждую из потенциальных моделей фотографируют; некоторых даже в нарядах, которые, возможно, они будут демонстрировать. Букер Мэйвенн ставит красную точку, как на аукционе, на photographиях тех, кого выбрали. Он прорабатывает образ «гейши из Перл-Хар-

бора» с обувью из коллекции «Англомания»; Мэйвенн для моделей – как хранитель ключей от райских врат. Красные точки он ставит у моделей прямо на носу. Кроме того, есть зеленые точки, которые означают, что одежда пришлась девушке по размеру. Конечно, это преимущество, но не преграда для тех, кому наряд не подошел, ведь еще далеко не все дошито. Высоченная Исса, девушка с японскими корнями и решительными манерами, может открывать шоу. Для Аюмы из Найроби, постоянно участвующей в показах Вивьен, это будет первый показ после родов. Вот прекрасная, как ясный день, Марта из Валенсии, школьница, выигравшая конкурс моделей; она радуется как дитя и пока еще не понимает, что ей предстоит: ей кажется, что парижский показ мод – это вечеринка с переодеваниями для маленьких девочек. Большая часть остальных девушек сидит со скучающим богемным видом, уткнувшись в айподы.

Уходя на встречу с редактором журнала «Vogue», я вижу солидную очередь девушек-моделей и длинные вешалки с готовыми платьями.

«Дело не только в том, свободны ли они в этот день, но и в симпатии, – объясняет мне Мэйвенн. – Вивьен не платит больше всех в городе, да и никогда не платила, так что часть девушек может отказаться. С другой стороны, именно на ее вечеринке они все и хотят оказаться, даже если их агенты против. Вот как мы все относимся к Вивьен».

До показа 30 часов, и я снова сижу, поджав ноги, под вешалкой для одежды, точнее, под жакетом-болеро, сшитым из шенилла и ткани-паутинки. Вивьен заколола его булавками и заново стачала. Вокруг нас едва ли не самые прекрасные, в разной степени одетые женщины планеты, красивые и странные ткани и наряды разных стадий готовности, при этом Вивьен удастся одновременно заниматься пресс-релизом, в котором раскрывается идея коллекции, и разложенными вокруг нее кусочками бумаги, похожими на образцы тканей, медленно соединяющимися во что-то определенное.

Настал подходящий момент, чтобы рассказать вам об основных членах команды Вивьен Вествуд, расположившихся в комнате. Здесь нет ни вертикали управления, ни разнарядки сотрудников, ни руководителя. Люди работают незаметно, все происходит само собой. Слышны только разговоры – все перешептываются. Пожалуй, главные герои – Вивьен и, конечно, Андреас. Они курсируют между досками с фотографиями и комнатами для переодевания, частично отгороженными ширмами, где одеваются обнаженные модели. Андреас ходит туда-сюда. Вивьен сидит или работает на манекене. Время бежит, и моделей все реже отправляют за ширму, одевая прямо у всех на виду. То приходит, то уходит Кристофер ди Пьетро, глава отдела маркетинга и продвижения, отвечающий за все, что не связано с дизайном. Этот бывший французский военный, росший и в Лондоне, и в Париже, и в Северной Ирландии, – сама сообразительность и один из множества мудрых и приятных людей, которых Вивьен заполучила для своего дела. Кристофер носит бороду, которая закрывает половину его красивого галльского лица, и такие невероятные наряды от Вествуд, что, когда он сидит в каком-нибудь парижском ресторане, к нему даже подходят и спрашивают о них. В комнату также время от времени заходит Карло Д'Амарио – исполнительный директор и итальянский крестный отец «Vivienne Westwood Inc.». Крепкий, с бритой головой, он напоминает папу римского из семейства Борджа. Карло любит всем рассказывать, что экономический успех компании «Vivienne Westwood Group» – его заслуга, и Вивьен с этим не спорит. Конечно, они с Вивьен давно знакомы, еще с 1980-х годов, когда у нее на Кингз-Роуд был магазинчик, а в Италии у них даже случился короткий роман. Карло бывает на публике только во время и сразу после показа коллекции «Gold Label»: он общается с итальянскими юристами и покупателями с Дальнего Востока. Так же и члены «Большой тройки», после Вивьен и Андреаса, отвечающие за дизайн, появляются только на самом показе – это дизайн-менеджеры Мюррей Блюитт и Марк Спай, работающие на Вивьен с начала 80-х годов, и

Бригитт Степпуттис, заведующая отделом высокой моды. Они непосредственно участвуют в создании всех коллекций и в их распространении. За графику на текстиле отвечает Алекс Кренн, чье присутствие действует умиротворяюще, и семейная пара – Джо и Беата Де Кампос. Они-то и создают тот визуальный язык на ткани и бумаге, на котором говорит Вивьен Вествуд. Лиссабонец Кико Гаспар отвечает за организацию мероприятий, так что все происходящее – это его битва, если не сказать война. Он всем улыбается, хотя в глаза не смотрит, словно намекает на то, чтобы вы не тратили время зря. Такое чувство, будто ему в голову врачи имплантировали гарнитуру. В центре творческого процесса в шоу-руме, а затем за кулисами, – помощник дизайнера Пеппе, невероятно точно чувствующий свежие тенденции, и его друг Илария, а также стилисты Ясмин и Рэйчел. Отдельную командную структуру составляют визажисты, еще одну – парикмахеры, и ими верховодят Вэл Гарланд и Сэм Макнайт соответственно. За одним из нескольких столов сидят Мэйвенн Ле Галл и Брис Компаньон и отбирают модели. Они живут на планете Мода и, похоже, счастливы. Архивариус и помощник Вивьен Рафаэль с пышной бородой по моде этого года неизменно освещает своим присутствием наше затуманенное от недосыпа сознание. Он решает любые проблемы каждого из нас, а еще приносит в шоу-рум из крохотной кухоньки кофе и еду. Рафаэль много смеется и может толково объяснить, что за чертовщина тут творится, так что он – моя путеводная звезда среди этой неразберихи. Вообще, обычно эту роль исполняет личный помощник Вивьен Тайзер Бейли – неземная красавица (одна из бывших любимых моделей Вивьен в 90-х годах), умеющая успокоить, расторопная, как идеальная и правильная староста, и при этом любительница отпустить сальную шуточку. А вот помощник Андреаса Бенедикт – еще один австриец ростом под два метра, со светлыми волосами по пояс, которые он сейчас собрал в пучок и заколол карандашами. Его, как и многих других – Георга, Алекса, Бригитт, – нашли в какой-то части империи Габсбургов, где запрещается проявлять вспыльчивость и устраивать сцены. Да-а, в сетевом книжном магазине «WH Smith» и то накал страстей сильнее, а вспышки гнева – чаще. Так что я почти разочарован.

«Знаете, это отличное место. Мы с удовольствием тут работаем, – рассказывает мне стажер Кристина Налер. – Я даже плачу за то, чтобы находиться здесь. То есть заплатила, чтобы попасть сюда. При этом я узнала гораздо больше, чем могла бы узнать в любом другом месте. А ведь это кое-что да значит. Здесь мода со смыслом, у нее есть история. Черт, это ж Вивьен Вествуд! И мы – часть легенды».

До показа 28 часов, и сейчас все заняты подготовкой отобранных моделей и созданием целостного образа. Найти подходящие туфли к каждому платью, сделать пробные прически и макияж, решить, кто за кем выходит, – так создается знаменитая «история» коллекции. Андреас примеряет на девушек наряды.

«Мы рассказываем историю, – улыбается Андреас, который поглядывает из-под козырька бейсболки, прикрыв глаза густыми ресницами. – Поэтому люди обращают на нас внимание. Мы создаем моду в прежнем понимании этого слова. Вивьен не меняется. Наша одежда узнаваема, потому что это не мода, а история о Вивьен и ее отношении к миру».

Температура воздуха поднялась градусов на десять. Стажеры шьют.

Приходят на примерку манекенщицы, которых отобрали для завтрашнего показа, бродят туда-сюда, раздеваются и одеваются и болтают по айфонам, пока их фотографируют. На стены постепенно вывешивают распечатанные глянцевые фотографии моделей в различных нарядах с одинаковыми гладкими прическами. В воздухе висит тяжелый запах дорогих духов, слышится нервный смех. Наконец привозят последнюю партию туфель, по ошибке отправленных в Лондон, и ставят на парадную лестницу рядом с вереницей прочих. Из тамошни до сих пор не вызволили украшения, но, по крайней мере, все остальное на месте и уже распаковано, так что набралась огромная куча папиросной бумаги, на которой виднеется

узнаваемый фирменный знак Вивьен Вествуд – держава с кольцами Сатурна. Такое чувство, будто сейчас Рождество и устроила его Вивьен Вествуд.

Всего нужно тридцать манекенщиц, но пока договорились только с четырнадцатью: на их фото красные точки на носу и зеленые – на теле. Еще пять девушек ожидают решения. Большинство топ-моделей уже договорились с другими модельерами и заняты в других показах во второй половине дня, и имена у них что-то вроде Даша или Икелин. Они приехали из самых разных уголков планеты, они разных национальностей, и общее у них только то, что все они необычайно красивые, высокие и их неплохо было бы досыта накормить. Им в среднем лет по девятнадцать. Мои заигрывания с Мартой обрывает ее менеджер, по совместительству ее отец. Кроме того, он, оказывается, немного моложе меня. Вечереет, и на кастинг приходит все больше моделей. Похоже, работать будем всю ночь. Салаты и фрукты, которыми кормят девушек, под непрерывное жужжание кофемашины сменяются сливочным печеньем и шоколадом.

Создание образа для показа состоит не только в выборе наряда. Показ – это шоу с определенным освещением и музыкой, специально подобранными прическами и макияжем. Это особый тематический вид искусства.

«Я обожаю работать с Вивьен, – говорит мне Вэл Гарланд, представитель этого редкого вида искусства, оторвавшись от пробного нанесения белого грима в стиле театра кабуки. – Это просто творческие выходные».

«Девушки любят здесь работать, – говорит букер Мэйвенн, – потому что к ним относятся с огромным уважением и потому что они становятся частью рассказанной истории. Об этом обычно никто не думает. Моделям нравится с Вивьен и Андреасом: с ними спокойно, они относятся к девушкам с уважением, в нашем бизнесе они весьма необычные фигуры».

В стороне пререкаются из-за трикотажных вещей мистер и миссис Спокойствие-и-Уважение:

«Вивьен, это не пойми что», – говорит Андреас.

«Нет, Андреас, ты только взгляни: можно сшить по кругу еще раз, а здесь привязать. Я так и хотела, и материала хватит», – показывает Вивьен.

Андреас пожимает плечами.

«Оставьте как есть, – шепчет Вивьен стажеру, – а ему не показывайте».

До показа 23 часа. Из Лондона приезжают представители отдела пресс-службы и маркетинга – Джордано Капуано, Лора Маккуэйг и Виктория Арчер. На середине парадной лестницы они обустраивают офис: дерутся за розетки и вай-фай-соединение, записывают в конверты ВИП-приглашения и браслеты для «доступа в любую зону». Я привык видеть их в лондонском штабе «Vivienne Westwood Group», неизменно элегантных, одетых по последней моде в подходящем для руководителей стиле (хотя Джордано не преминул сообщить, что не меньше моды он любит регби), так что очень странно наблюдать, как они сбились в кучу, будто студенты на сидячей забастовке, с волнением склонившись над кипами бумажек и списков. Они погружены в себя. Капуано, Маккуэйг и Арчер работают больше всех, кого я знаю, за исключением врачей, и, как и врачи, постоянно находящиеся в напряжении, умеют при этом с завидной стойкостью развлекаться всю ночь, когда того требует работа. А она порой этого требует. Затем приезжают представители пресс-службы Дальнего Востока и международного крыла «VW Group». Они размещаются чуть в стороне. Команда из Тайваня достает список с именами знаменитостей с Дальнего Востока, которые приедут на показ; напротив имен Энни Чен и рок-звезды Ву Бай, «одной из величайших звезд Юго-Восточной Азии», помещены фотографии, найденные в Гугле, чтобы было понятно, с кем нужно обращаться по-особому.

Конечно, не всегда, но иногда после показа Вивьен Вествуд одна из девушек становится лицом коллекции. В 1993 году, например, им стала Наоми Кэмпбелл, отчасти потому,

что упала в туфлях на платформе прямо на подиуме. В конце 80-х моделью для рекламных плакатов Вивьен была Сара Стокбридж, одетая в твид и кринолин.

Позже Вивьен объяснила мне: «Мы не всегда выбираем девушку, открывающую показ, или ту, что его закрывает в свадебном платье. Андреас гениально может подобрать модель – идеальную девушку и идеальный образ. Помню, однажды Наоми Кэмпбелл даже расплакалась – так сильно она хотела выйти в платье с металлическими цветами, которые создал отец Андреаса, а оно предназначалось Линде Евангелисте. Тогда Андреас сказал Наоми: «Наоми, ты будешь похожа на Дайану Росс». По мне, так Андреас лучше всех умеет подобрать модель и найти к ней подход». Аюма из Найроби и Марта из Валенсии имеют неплохие шансы на то, чтобы стать лицом коллекции в этом году.

«В модельном бизнесе Вивьен больше других меня поддерживает, – говорит Аюма, бывшая чемпионка Кении на дистанции 400 метров и одна из многих выбранных Вивьен и Андреасом «цветных девушек» (как она себя называет). – Мы занимаемся благотворительной деятельностью в Нью-Йорке и Лондоне, а еще в Кении и работаем вместе. Так что, когда мы видимся, мы с ними будто воссоединяемся. Во время кампании, в которой мы вместе участвовали [Вивьен оказывает поддержку организации в Кении, поручая ей шить для нее сумки, участвуя тем самым в Этической инициативе моды при Центре международной торговли ООН]¹, мы объездили такие места, в которых я никогда не бывала, – самые жуткие трущобы. Так что они смелые люди. Когда я в Париже, мне всегда хочется поработать на их показе. Я только недавно родила ребенка. И вот я снова в строю, ну мне так кажется, так что посмотрим, не растеряла ли я свой талант!» Порядок выхода моделей, как и имена девушек, открывающих и закрывающих показ, до сих пор под вопросом.

Вивьен снимает туфли на каблуке из искусственной крокодиловой кожи и мягко ходит в носках вокруг полуобнаженной Сильвии, поправляя складки ее трикотажного наряда: края свободной короткой накидки со сверкающей аппликацией собраны в рюши, а вокруг ягодич и под грудью ткань чуть вздувается, создавая типичный для Вивьен силуэт. А вот и она сама – работает, преисполненная блаженства. Наедине с тканью, иглой и моделью. «Вивьен сейчас как никогда счастлива», – проходя мимо, шепчет Кристофер. И это правда: она счастлива, работая ночи напролет.

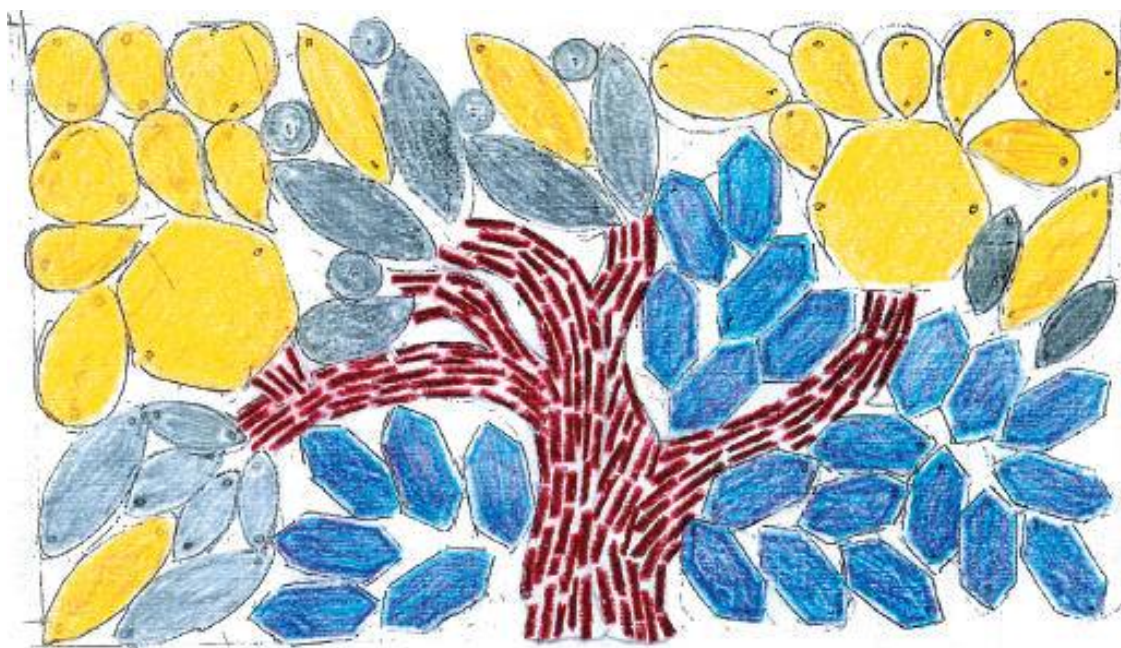
Прибывает остальной персонал: закройщики и члены дизайнерской команды, а также стажеры и представители пресс-службы. Всего над парижским показом трудится 60 человек, их усилия выражаются в 1800 человеко-часах за эти три дня подготовки. Все показатели стремительно растут. Они наслаиваются друг на друга: сколько потрачено и сделано, а также создано – и палимпсест роскоши готов: 60 образов, 29 моделей, 40 парикмахеров и визажистов. Кроме того, 857 именитых гостей. А еще 200 пар обуви ручной работы и одежды на миллион фунтов. Бюджет мероприятия больше 200 тысяч фунтов. Компании «VW Group» само оно обходится всего в 120 тысяч фунтов, но есть же спонсоры, которых нужно удовлетворить, а еще журналисты со всего мира. Все заинтересованные лица хотят получать свежие новости о подготовке к показу и фотографии для своих блогов и пиарщиц, так что Виктория и Лора прилежно выдают краткую информацию и занимаются редактурой текста пресс-релиза Вивьен, уже набранного и практически готового, по крохам составленного из заметок и фраз, услышанных в выставочном зале.

Ранним-ранним утром распространяется первый вариант пресс-релиза Вивьен. В нем она цитирует Шекспира, ссылается на эпоху Ренессанса и Просвещения, упоминает Фриду Кало, а также Э. М. Форстера в связи с переосмыслением названия коллекции «Все связано». «Я часто придумываю названия, – говорит мне Вивьен. – У меня это хорошо получается». В

¹ Организация, которая при помощи ведущих мировых модельеров оказывает поддержку ремесленникам в самых маргинализированных районах Африки, сотрудничая с ними и создавая рабочие места. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

углу, где сидит Кико, рассовывают по конвертам приглашения на показ: они еще пахнут чернилами от принтера. На них стоит логотип, от руки нарисованный самой Вивьен: две змеи, кусающие друг друга за хвост, – древняя эмблема, символизирующая агрессивный симбиоз, а ныне означающая, что экономика уничтожает планету. «Вот чему посвящена моя «Климатическая революция», вот что я хочу донести до людей: все, что каждый из нас думает, или говорит, или делает, имеет большое значение, – говорит Вивьен. – Все связано».

Кто-то предлагает прослушать музыку, которая будет сопровождать показ. Ее подобрал композитор Доминик Эмрих, использовав самые разнообразные мелодии – от барочных придворных маршей до английских мадригалов и критского фольклора с трубами. Прозвучат также отрывки из Альфреда Шнитке и кое-что из Сен-Санса, выделенные при помощи напряженного ритма – подвижно-танцевального и одновременно тревожного. «Как взрыв – это конец света – берегись!» – гроыхает Андреас, сияя своей самой ослепительной улыбкой. Ему весело. То ли он в таком восторге от моды, то ли хочет смехом побороть сонливость. Вивьен кажется более задумчивой. Все эти дни ей с трудом удастся что-либо расслышать из-за фонового шума. «Я не слышу текст», – жалуется она на то, что не разобрала слов в придуманной Домиником мантре, звучащей за кулисами: «Предсказание Матери-Земли... след крови». Предположу, что ей бы понравилась эта строчка-рефрен, если бы она ее расслышала. Тем временем Андреас и Вивьен обсуждают туфли и сумки, прически и то, как же правильно описать цельный образ. «Нужно наперекосяк», – говорит Андреас, показывая на асимметричные прически моделей. «Ты хотел сказать – наоборот», – поправляет Вивьен. Затем приходят Розита Кательди и Паола Якопуччи с итальянской фабрики Вествуд, они дарят Вивьен цветы, целуют ее, и она оживляется в приятном окружении подруг. Они переходят на итальянский, болтая свободно и бегло, и в устах Вивьен этот язык звучит мягче, чем ее родной английский, чувственнее и легче.

Embroidery design made from plaques cut from re-cycled reflective Sunglasses & bugle beads 115x20

Набросок, сделанный Вивьен, и готовая деталь наряда для «Gold Label»

Остается 15 часов, впереди длинная ночь. «Нужно дождаться последней минуты, чтобы все молекулы собрались вместе, а затем – вжик! – Андреас изображает то ли дерево, то ли ядерное облако, и его жестикуляция так же неудержима и непонятна, как и акцент. – Понимаете, мы делаем это для себя, Вивьен и я, делаем все как можно лучше, почти иде-

ально. И не важно, что думают другие. По крайней мере, нам кажется, что все девушки выглядят восхити-и-и-тельно».

Остается 14 часов. Сейчас почти два часа ночи. По правде говоря, я выходил в кафе «Флор» и заправлялся эспрессо и виски, пытаюсь уследить за нитью разговора о моде... А Вивьен, когда я в 2 часа ночи вернулся, погружена в продумывание порядка выхода моделей на подиум, музыку и работу с моделями. Эти люди вообще когда-нибудь спят?! Сейчас вот занимаются «образцами для показа» – то есть предметами одежды, которые никогда не поступят в массовое производство, но которые, возможно, появятся на редакторской странице «Vogue» или будут выполнены на заказ для привилегированного богатого клиента. Похоже, больше всего вопросов вызывает вязаное бикини цвета металлик: можно или нельзя его для завтрашнего показа дополнить драпировками или вязаным жилетом. Выглядит бикини, надо отметить, очень сексуально. Последние примерки и подгонки выполняются на штатной манекенщице, очень бодрой и столь же красивой. Вивьен сосредоточенна и спокойна – она много лет работает в этом бизнесе и участвовала во множестве парижских показов. Она рассматривает моментальные снимки моделей и говорит то ли мне, то ли себе, то ли любому, кто услышит: «Абсолютно не представляю, что нам делать», однако очевидно, что она-то знает. На полу лежит 29 похоронных мешков на молнии с розовыми углами и именами выбранных моделей и их фотографиями крупным планом – это сумки с одеждой, в которые убраны наряды для показа. По два в каждой. В основном имена моделей непроездимые, среднеевропейские.

«Это тенденция последних десяти лет», – поясняет помощник Вивьен Рафаэль.

«Славянские скулы и холодноватые манеры – не те черты, за которые Вивьен нанимает манекенщиц, однако других сексапильных моделей с серьезным отношением к работе сейчас найти еще труднее. Совершенство должно выглядеть естественно», – рассуждает букер.

Наконец пресс-релиз готов, Лора его сократила, а Андреас подправил и одобрил, поставив свою подпись под словами его «дорогуш» – то ли в шутку, то ли всерьез.

«Я хочу назвать показ «Все связано», – написала Вивьен, – вот чему посвящена моя «Климатическая революция», вот что я хочу донести до людей: все, что каждый из нас думает, или говорит, или делает, имеет большое значение».

Остается 13 часов с небольшим. Сейчас 3 часа ночи, и работа над коллекцией и порядком выхода моделей закончена. Вивьен, ссутулившись, сидит на стуле, глаза у нее слегка покраснели, она жалуется, что ноги распухли, и потягивает красное вино. Андреас пьет белое.

«На самом деле сейчас главное – порядок выхода на подиум. Нужно его хорошо продумать, особенно какой наряд пойдет первым. Он задает тон». В итоге решают, что надо начать с одного из ансамблей по мотивам творчества Фриды Кало, его будет демонстрировать угловатая андрогинная модель из Японии. Ее фотографию уже тысячу раз перемещали на доске, но она то и дело оказывалась в начале. Аюма будет демонстрировать белое платье-футляр, а Марта, среди прочего, – кружево из синели. Много внимания в последний момент уделяется и деталям оформления, которые свяжут всю коллекцию воедино: идея паломничества, отсылка к Фриде Кало. Часть из них только сейчас делается: украшения на голову с гигантскими цветами и тисненой лентой, венки и посохи. «Никто лучше Андреаса этого не сделает, не оформит, – сердито заявляет Вивьен. – Работаем, пока не сделаем все правильно. То есть идеально, и, когда увидим, что все получилось, тогда можно идти спать». Вивьен и Андреас помогают окончательно условиться о ценах, которые уже обсуждались в Лондоне и Италии: они начинаются с просто высоких и доходят до неподъемных даже для олигархов. Уже поздно, и кое-что может подождать до окончания показа; после него в задней части выставочного зала будут проходить дни продаж.

4 часа утра. Похоже, во время Недели моды в Париже такси не найти. Я целых полтора часа иду пешком до квартиры друга. Если обувь от Вивьен Вествуд не самая практичная, она, как оказалось, выигрывает благодаря удобству и носкости. По крайней мере, мужская.

До показа 5 часов. Я немного поспал. Большая часть команды Вивьен даже не ложилась. В 8 утра они переместились из шоу-рума на Рю-дю-Май на место проведения самого показа, где бригада строителей и декораторов за ночь соорудила зону показа и кулисы. Обычно здание на Рю-Катр-Септамбр, 18, недалеко от Биржи, занимает банк. Оно представляет собой грандиозный центральный атриум, не то викторианский оперный театр, не то футуристический ангар. Он будто декорация к фильму «Бегущий по лезвию» в обновленной версии Тима Бертона. Внутри очень просторно. По центральному коридору можно пролететь на небольшом самолетике. Нам нужно подняться по огромной лестнице, которую охраняют грозные, громко переговаривающиеся между собой секьюрити в темных очках и костюмах от «Hugo Boss», а потом пройти через барьеры безопасности – все это создает атмосферу как на приеме у королевы. Вокруг гремит музыка – проводят саундчек, а сам композитор, Доминик, пожевывая шарф и сгорбившись над пультом, дорабатывает заключительную часть, под которую в конце показа должны выйти на подиум Вивьен и Андреас. Помимо атриума в банке есть три подземных этажа, видные через сплетение стеклянных мостиков и полупрозрачных полов. Из этих подземных уровней поднимаются эскалаторы, и именно оттуда будут появляться, а затем исчезать там модели, обойдя шестиугольный подиум, окруженный толпой фотографов – ожидается, что их будет 80. По стенам галереи развесили гигантские зеркала, в которых, поднимаясь и спускаясь, как по лестнице Иакова, будут отражаться модели, а также зрители и фотографы, словно попав в Зазеркалье.

Подвальная часть здания залита естественным светом, там установили 40 кабинок для переодевания с сияющими лампочками. В них кипит бурная деятельность. Вэл и Сэм создают «забрызганные грязью» образы, резко стряхивая с кисточек коричневую краску. Модели моргают.

До показа остается 2 часа, и Кико созывает производственное совещание. Пара десятков сотрудников «Vivienne Westwood Group» со всего мира, говорящие в общей сложности на 12 языках, будут приветствовать и рассаживать журналистов, клиентов, покупателей и спонсоров из разных уголков мира. Треть мест займут гости с Дальнего Востока – журналисты и покупатели из Китая, Тайваня, Гонконга и Японии. «Мы в необыкновенном зале, – воодушевляет коллектив Кико, – и показ должен получиться потрясающим!» Например, Лора споткнется в туфлях на каблучке от Вивьен Вествуд и полетит вниз со ступеней. Эффект домино остановит один из множества мужчин в костюмах из шотландки от Вивьен Вествуд.

У подиума три ряда сидений, рассадка подчинена строгой иерархии. «Вероятно, так же было и в Версале», – острит мой друг-француз. Представители английской, американской и дальневосточной прессы сидят в первом ряду, откуда они первыми увидят модели. В другом углу, откуда видно лучше всего, усядутся «покупатели от-кутю» – избранные женщины и мужчины, которые покупают модели линии «Gold Label» прямо с подиума для своей коллекции или для себя лично. У Вивьен был один верный клиент, который скупал все без исключения наряды из каждой сезонной коллекции, тратя сотни тысяч фунтов. Сотрудники изданий «Time», «Harper's Bazaar», «The Sunday Times», «The Telegraph», «Marie Claire», «The New York Times», «The International Herald Tribune» займут лучшие места. Много мест оставлено для редакторов «Vogue» из разных стран. На переднем ряду среди представителей модных журналов со всего света будет сидеть Джин Крелл – сотрудник японского издания «Vogue». Крелл – бывший владелец магазина «Granny Takes a Trip» и, разумеется, легенда моды, человек, продававший в Лондоне глэм-рок. А еще он когда-то был квартирантом Вивьен, которая, по его же словам, одна сумела спасти его от героиновой зависимости и преждевременной смерти.

Этажом ниже ждут модели в футболках с надписью «VW GOLD LABEL SS 2014»², их сложные высокие прически «помпадур» спрятаны под сеточки для волос, и они напоминают образцовых и суровых северянок, наряженных в стиле рокабилли. На большинстве девушек одни только крохотные трусики-тонг.

Остается полтора часа. Проводится репетиция прохода в обуви. Это принятый на модных показах ритуал, однако для Вивьен Вествуд он имеет особую важность, ведь ее обувь, как известно, имеет очень высокие платформы и каблуки, а кроме того, все помнят печально известное происшествие 1993 года, когда Наоми Кэмпбелл упала в них прямо на показе. Так что репетиция будет не лишней. Рост моделей 1 м 80 см, каблуки – 18 сантиметров, да еще и необходимо добираться до подиума на движущемся эскалаторе – право, стоит как следует все отрепетировать. Приезжают последние модели.

Теоретически до начала показа осталось всего лишь полчаса. Сейчас 4 часа дня, нам позвонили из Французской федерации высокой моды и сообщили, что предыдущие показы задержались, так что наше выступление, вероятно, начнется в 16:45. Все явно с облегчением выдохнули. Вивьен снимает платья с вешалок, поправляет замысловатые гирлянды и венки в стиле Фриды Кало, фотографы щелкают все подряд. Модели к этому привыкли и позируют на абсолютно белом и черном фонах. Идеальные красотки то с серьезным выражением лица, а то с кокетливым и игривым фотографируются то по двое, то по трое, позируя перед бесчисленным множеством смартфонов и безымянных фотографов, у которых тоже есть разрешение на посещение всех зон. Их снимают прямо рядом с вешалками с нарядами, в сеточках для волос, держащих прически. В одних трусиках или полуодетых. Спрятаться негде, и любые снимки могут оказаться в Интернете.

² «Gold Label» Вивьен Вествуд, весна/лето 2014.

Модель Хуана Бурга в репетиционной футболке

Мне вдруг почудилось, что Вивьен с шарфом на голове и в очках – хозяйка странного борделя. «Вообще-то я порядочно устала, – признается она. – Но в итоге же получилось красиво, правда?»

До показа 5 минут. А у нас, судя по всему, непредвиденная ситуация. Приближается цунами – волна подобоострастного люда, освещенная дуговыми лампами, а в центре – крошечная, но мгновенно узнаваемая фигурка Памелы Андерсон. Ростом она чуть ниже среднего даже на каблуках от Вивьен, но, украшенная пышной копной волос, сияет, как настоящая звезда, – верная, хотя и недавняя, муза в мире Вивьен Вествуд. Она прилетела из Лос-Анджелеса специально на показ и остановилась в номере люкс в отеле «Атене Плаза». После мероприятия запланирован ужин с Памелой и бывшей моделью Вивьен по имени Карла Бруни, довольно известной в Париже – или мне это кажется? «Будет всего лишь несколько друзей: мы все очень устали», – поясняет Кристофер. Памеле, Карле и Вивьен есть чем поделиться друг с другом: все они занимаются экологической политикой и правами животных. Представляете?

Итак, Сьюзи Менкес наконец усаживается, Памела Андерсон тоже, и показ начинается – на полчаса позже, но ровно за три минуты до того, как Французская федерация высокой моды могла бы оштрафовать Вивьен. Свет гаснет, и в 30 метрах над нами зажигается дуговая лампа, направленная на эскалатор, по которому первая модель поднимется в атриум. В гигантских зеркалах отражаются фотографии и появляется модель, открывающая показ, – и вот 450 человек вытягивают надушенные дорогими духами шеи. Весь атриум сияет фото вспышками, а повсюду, кроме первого ряда, над головами зрителей колыхнется целое поле смартфонов, будто вдруг расцвели две сотни крокусов. А что касается первого ряда, то не фотографировать же таким гостям самих себя!

Длительное напряжение позади, и вот появляются модели – калейдоскоп из нарядов по мотивам творчества Фриды Кало, их сменяет одежда, расцветками и текстурой напоминающая о паломниках и фольклоре, а в заключение – дань серьезной моде, Иву Сен-Лорану и строгому крою в барочном стиле, благодаря которому в эпоху пост-панка Вивьен и сделала себе имя. Все модели выглядят очень серьезно и очень сексуально благодаря своей холодности: это их профессиональная броня. Двенадцать минут кажутся такими долгими. Воспринимать происходящее непросто, слишком много зрительной информации, а ведь никто ничего не поясняет, не рассказывает, и девушки упорно сменяют друг друга каждые 30 секунд. Время от времени кажется, что мир вокруг – цвета и формы, невероятной красоты вещи и модели – начинает вращаться тише, как в замедленной съемке. Девушки уходят с подиума, исчезают из моего поля зрения, их невесомые наряды колыхнутся вопреки закону гравитации, но при этом отягощены грузом ответственности перед империей моды. В нарядах чувствуется ирония: разве не забавно, что красоту можно завернуть в ткань и облечь в человеческие формы? И вот я осенен красотой. Показ завершен, мы встаем с мест, и я вдруг вижу, что глаза Марка Спая полны слез восторга. Такого не ожидаешь от дородного человека пятидесяти лет в клетчатой фланелевой рубашке. «Это одна из ее величайших коллекций, – говорит он. – Создавать их она умеет лучше всего».

Показ закончен. За кулисами поднимается небольшая суматоха: кому первому выходить на подиум – Андреасу или Вивьен, в суете теряется букет, который она должна нести. В итоге они идут по подиуму, держась за руки, а потом Андреас отпускает ее руку и начинает аплодировать Вивьен вместе со всеми, а она, как обычно, скромно улыбается под бурные овации.

Вивьен и Андреас на поклонах, без букета, утерянного за кулисами

Вы будете потрясены: четверть миллиона фунтов стерлингов. Всего 12 минут. Шестьдесят нарядов. И 1800 человеко-часов. Нельзя не подивиться тому, зачем же все это нужно. Как говорил лорд Честерфилд (вообще-то про секс, но к моде это тоже относится), действо

нелепо, цена заоблачная, а удовольствие мимолетно. Конечно, мир должен быть населен, и, разумеется, населен людьми, одевающимися по моде. Каждый восхищен прекрасными прозрачными тканями, облегающими идеальные фигуры. Можно многое сказать о любом виде искусства, воспевающем человека, и назвать его наукой, ремеслом, религией – особенно здесь, в Париже. Но что до культа моды, в отличие, например, от изобразительного или даже кулинарного искусства, то она создает фетиш из настоящего, магия этого «сейчас» подчас причиняет вред моде как таковой. Все дело в экономике, будь она неладна. Какие из созданных моделей выдержат проверку временем? Зачем создавать все больше и больше? Чем Вивьен может оправдать огромные расходы, авиаперелеты, огромные усилия и сосредоточенность сотен работников, в высшей степени талантливых и слишком низкооплачиваемых? К ее чести, она обращает внимание на эту критику и любые подобные намеки и часто выслушивает их, не стремясь скрыться. За год, проведенный с Вивьен, я узнал больше, чем людям в принципе может посчастливиться узнать о том, почему мода имеет значение, о том, что именно снова и снова привлекает поклонников творчества Вивьен и что дает ей силы творить. Конечно, нельзя отрицать промышленный императив – экономику. Сейчас множество людей доверяют свое существование неиссякаемой творческой жиле Вивьен и Андреаса. В их работе есть и кое-что еще: страстная вера в важность моды как центра культурной жизни и страстное желание Вивьен посредством одежды объяснить, каким она видит мир.

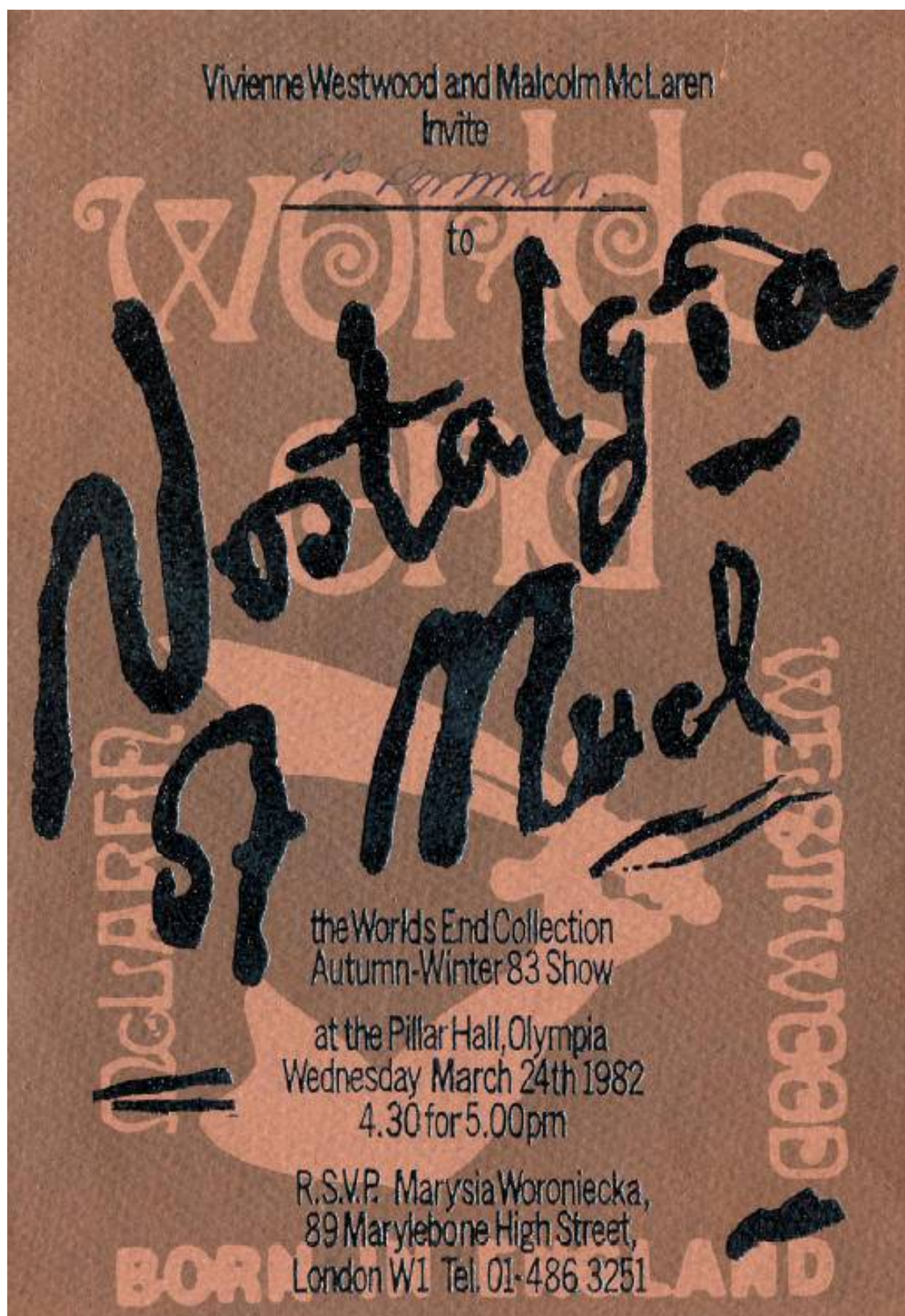
После показа вокруг Вивьен собирается толпа журналистов. Она, хоть и ненадолго, оказывается в эпицентре торнадо: представители прессы, работающие камеры, прямой телеэфир. Вивьен совершенно спокойна, и, похоже, она единственная здесь женщина, которая не беспокоится из-за своего наряда и внешнего вида, уверенная, что стиль ее и так будет замечен. Она бойко и коротко отвечает журналистам, задающим вопросы о моде на французском, итальянском и немецком. И все-таки основной международный язык моды – английский и американский английский. Даже тайцы о моде говорят с акцентом Кэрри Брэдшоу. И из этого гвалта доносится хрипловатый голос с дербиширским акцентом: «Мне представилась девушка-паломница...»

На следующее утро я в состоянии легкого похмелья сижу с Вивьен в шоу-руме, мы ждем приезда покупателей.

«Некоторые места рожают легенды, – говорит Вивьен, – как остров Кифера, где появилась на свет Венера». Конечно, не такой ответ вы ожидаете услышать на вопрос «Вам нравится Париж?», однако отнеситесь к Вивьен терпеливо. «Париж изменил мою жизнь. Дело вот в чем: я помещаю себя в разные ситуации. Сижу здесь, в Париже, с тобой, я модельер – потому что считала, что мой долг им стать. Ради Малкольма, с которым я тогда встречалась и который оказался в затруднительном положении. Я сказала ему: «Малкольм, или я помогаю тебе с музыкой, или ты помогаешь мне в магазине. Одно или другое. Тебе решать». Он ответил: «Мода, и только мода». И занялся музыкальным бизнесом! Тогда я и приняла решение идти дальше и доказать что-то себе, создала коллекцию «Пираты» и приехала в Париж. И на самом деле влюбилась в этот город. А когда влюблен, кажется, будто всегда что-то такое знал: будто я всегда знала, что Париж для меня играет большую роль, и будто я всегда знала, что в некотором смысле мне было что сказать миру моды. Люди до сих пор удивляются, как можно сперва быть панком, а потом попасть в мир высокой моды, но все связано. Именно поэтому мы и назвали одну из ранних коллекций «Punkature» («Панкутюр»). Понимаешь, для меня важна не сама мода, а история, стоящая за ней. Важны идеи.

Но нужно начать рассказ с Парижа, потому что Париж – стержень той части моей жизни, которая связана с одеждой. В самый первый раз я приехала в Париж вместе с панк-группой Малкольма «The New York Dolls». Они как раз собирались давать здесь концерт. Но только годы спустя я начала по достоинству ценить город – его искусство и историю. И это

благодаря моему другу Гэри Нессу. О нем поговорим позже. А сейчас вот что: есть вещи, о которых я могу рассказать только для этой книги, потому что прошло какое-то время и некоторых людей – Малкольма, Гэри – уже нет с нами. Когда я в Париже, я много думаю о Гэри. Здесь мы с подачи Гэри создавали немыслимые, небывалые вещи, потому что он действительно знал то, о чем говорил, в историческом плане. Я хочу сказать, что идеи приходят ко мне, потому что мне интересно прошлое. Мне интересны гении прошлого; те идеалы, которым люди хотели раньше соответствовать. Мне интересно, каким они раньше видели окружающий мир. Нас очень многому может научить прошлое – происходившие когда-то события, идеалы людей прежних времен, их надежды на будущее. В Париже ощущаешь это очень явственно.

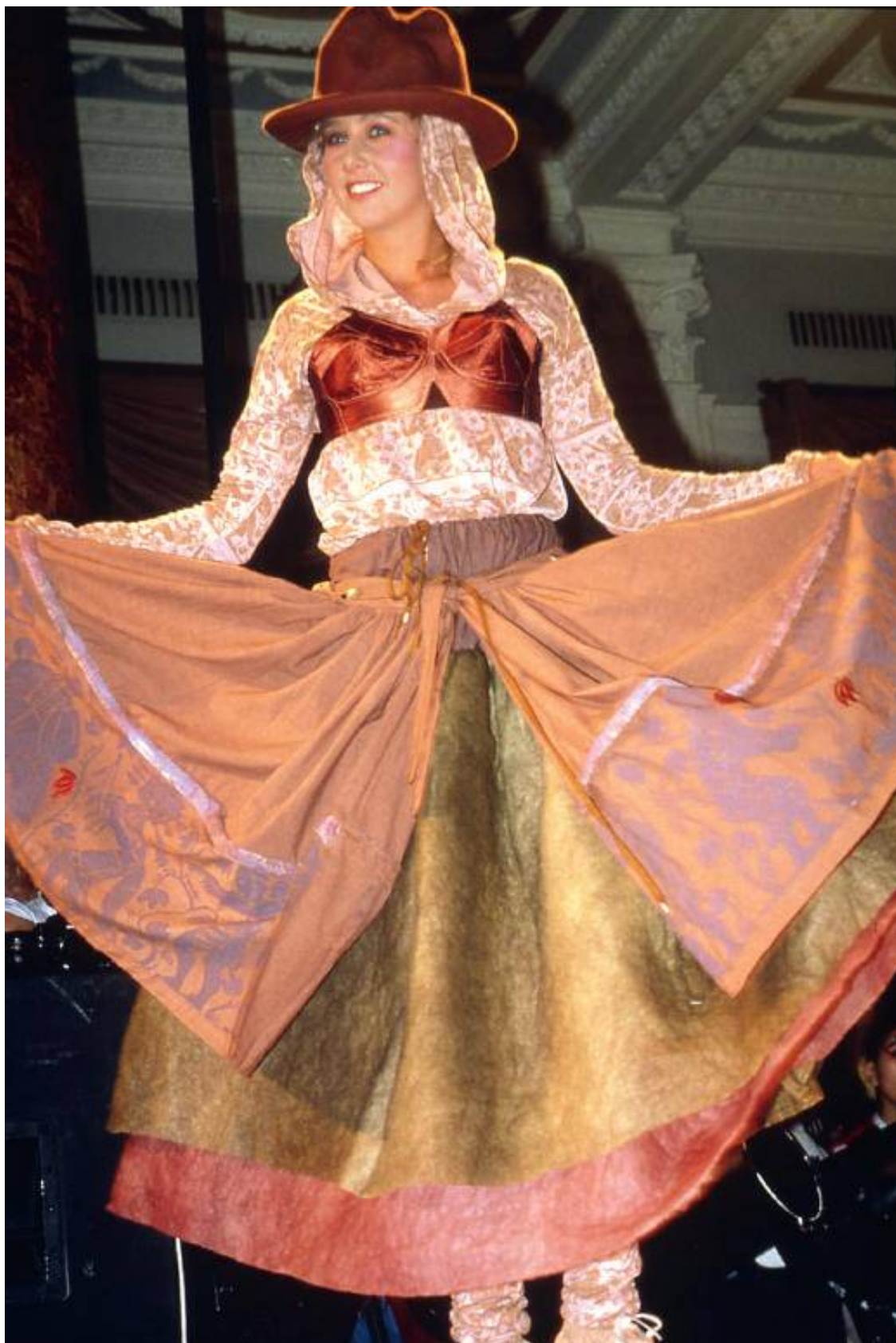
Приглашение на показ коллекции «Ностальгия по грязи», первой коллекции Вивьен, показанной в Париже

Идея показа в Париже пришла Малкольму. Было начало 1980-х годов, и мы как раз наняли личным помощником француженку Сильви Грумбаш, работала она отлично. Мы собирались демонстрировать третью коллекцию. До этого были «Пираты» и «Дикари», а

третья называлась «Буффало». Официальное название у нее было «Ностальгия по грязи», по названию одноименного магазина, которым мы тогда владели. Так начался неоромантизм. Мое истинное «я»! Мы уже показывали «Буффало» в «Олимпии» в Лондоне и решили устроить повторный показ в Париже. Дело в том, что к 1981–1982 годам я уже тысячу раз видела, как мои вещи копировали и демонстрировали на парижских подиумах. К примеру, вещи в стиле панк продавались по всему Парижу.

Короче, мы устроили показ в Париже, в кафе «Анжелина» на Рю-Риволи. Конечно, по сравнению с нынешними показами организован он был на скудные средства, зато эмоций было гораздо больше. И не только потому, что я была моложе и мне это было в новинку. В те дни сотрудники журналов мод приходили на показ, а на следующий день одалживали ваши наряды для съемок. И все. Все делалось в один присест. Так везде делали: во французском «Vogue». В итальянском. Даже в американском. Итальянский и американский «Vogue» сделали мне имя. Это произошло так стремительно! Столько было радости! Ты сразу видел, какой эффект после этих съемок бывает: моментальная реакция. Но, конечно, мир моды тогда был меньше.

Я совсем не нервничала. Ни капельки. Я никогда-никогда не нервничала. По крайней мере, не из-за одежды. Никогда. Я говорю себе: «Я люблю одежду и выложились по полной». Первый показ в Париже в 1983 году коллекции «Буффало» стал сенсацией. О нем писали во всех газетах, во всех журналах. Я была в таком восторге! Тем не менее потребовались многие годы, прежде чем я почувствовала, что меня полностью признали в Париже, как сейчас, и смогла спокойно называть себя модельером. Обо мне всегда упоминали итальянцы. Я многим обязана Италии. А еще итальянскому и американскому «Vogue»: в них великолепно обо мне отзывались, эти журналы с самого начала поддерживали меня – как раз благодаря парижским показам. Так что с самого начала Париж начал менять всю мою жизнь. В ней стало меньше панка. Меньше желтой прессы. Меня начали воспринимать всерьез. Но это произошло не только из-за парижан или французской прессы. Первыми меня поддерживали итальянцы, американцы и прежде всего японцы, которые приехали в Париж, чтобы приобрести вещи для модных магазинов. И вот как обстояли дела: все было весьма странно, но я тебе расскажу, хотя и не должна. В то время, например, Джону Гальяно так нравились мои работы, что он их копировал, причем достаточно точно: я это знаю, потому что он, бывало, заходил в мой магазин. А я с подругой отправилась на показ Джона в Париже, и ей показ понравился, и не зря, да и мне понравился, но это потому, что он повторял мой собственный показ, прошедший годом раньше. Я тогда подумала: что ж, мода – штука действительно странная. Но так оно и есть. Она странная. Журналисты писали, что мои вещи носить невозможно, но на следующий сезон и через один все мои наряды, скопированные другими, продавались гораздо дороже, да и принимали их лучше. Ну, не знаю. Я тогда расстраивалась, еще как расстраивалась. Зато я знала, что у меня отличные вещи и что время играет мне на руку. Хотя все это было странно и очень огорчало.

Образ «девушки из Буффало», 1982

Так прошла часть моей жизни в Париже. Здесь все и началось. Видишь, создавать одежду – как рассказывать историю. Вот сегодня утром, лежа в постели, я читала книгу о китайском искусстве и пыталась понять, разглядывая артефакты, каким образом они думали

и каким видели мир. Или, например, я говорю о модели в одежде из вчерашней коллекции: «Похоже, что она собралась в Кентербери». И это то же самое, что открыть книгу и изучить средневековую рукопись. И с этой биографией так же: она – рассказ о том, что я хочу донести до людей при помощи моды, активистской деятельности и самой своей жизни. Это не копия. Конечно, она не может отражать всю меня. Но на ее написание что-то меня вдохновило. Ты делаешь что-то под влиянием вдохновения; задерживаешь дыхание – и понимаешь: она паломник. Ее плащ должен быть самым лучшим плащом из всех возможных. Как разноцветная одежда Иосифа. Или как плащ Волшебника из страны Оз. Или плащ трубадура. Если ты можешь впитать в себя эти мотивы, то в итоге получишь представление о «плаще». А чтобы получить представление о Вивьен – хотя я и не уверена, что мне бы этого хотелось и что это возможно, – тебе потребуется найти источники информации, идеи из прошлого и цели на будущее. Как в случае с плащом. Именно благодаря идеям одежда становится неподвластной времени. Важной. С ней что-то связано. Это как ностальгия. Или понимание, что всегда любил Париж. Ностальгия по чему-то, что ты уже и так знаешь. И когда ты встречаешь это что-то в жизни, тебе сразу все ясно. Это что-то ты понимаешь, узнаешь. И если у меня есть талант, я думаю, он состоит в этом».

Вдруг Вивьен поднимает на меня глаза. «Ты знаешь «Пиноккио»? – спрашивает она с акцентом итальянца, приехавшего из английского городка Глоссоп. – Я про книгу, не про фильм. Фильм не смотрела. «Пиноккио» – первая в списке моих любимых книг. А еще «Алиса в Стране чудес». Нужно проявлять свои лучшие качества. В том числе и это я хочу сказать в нашей книге. Проявляйте свои лучшие качества. И слушайте свою совесть.

Это словно создавать коллекцию: сперва ты начинаешь придумывать историю. Некую канву. Вот она. Я хочу каждую минуточку внимания, которую уделишь этой книге ты, которую уделит любой человек, читая ее, использовать ради самых лучших целей. Нужно искать красоту. Во всем. В каждом моменте. И в каждом человеке.

«Жил-был... – написано в «Пиноккио», – обыкновенный кусок дерева...»

Девочка в платье экономичного кроя

Образчики, по которым строится жизнь, в самом начале для нас непостижимы, постичь их удастся позже, когда тяжкий груз обстоятельств смиряет наш мятежный дух.

Сэмюэл Патнэм. Франсуа Рабле, человек эпохи Возрождения

Всю свою жизнь я жила так, будто я молода, но сейчас я стала старой и поняла, что драгоценна не только молодость, но и кое-что еще.

Вивьен Вествуд

«Первое, что действительно важно обо мне знать, – я родилась во время Второй мировой войны. Карточки. Все такое. Я бананов не пробовала до семи лет. Правда, когда попробовала, мне не понравилось. Был дефицит. Всем приходилось вязать. Можно даже найти тогдашние схемы вязания свадебных платьев. Все часами вязали. А еще мы искали ореховые скорлупки, раскрашивали их и делали из них небольшие веточки с цветами. Жили под девизом «Сделай сам».

Вивьен тербит руками свою вязаную юбку, а затем берет со стола свою детскую фотографию.

«Я модельер, а еще я из тех, кого называют активистами. Мне кажется, с малых лет я была такой. Мне иногда неловко рассказывать о том, из-за чего может сложиться впечатление, будто я была особенной или какой-то пай-девочкой. Это не так. Мне просто не хотелось распространяться о том, что с самого детства я ощущала в себе бойцовский дух. Мне кажется, люди с малых лет ведут себя сообразно своей натуре. И это своего рода ключик к пониманию меня, в том числе и как борца за свободу. Нет, это не ключик, а важнейшая точка отсчета. Вот пример того, какой смешной и порывистой я была. Во время обеда в школе – ланча – мы все ждали, когда войдет наша классная дама и, как обычно, спросит: «Кто разговаривал? Встаньте». А на этот раз пришла завуч, миссис Бус, и задала тот же вопрос, а я подумала: «Что будет, если я встану? Дай-ка проверю». Я думала, меня похвалят за то, что я созналась, хотя на самом деле ела молча. Так что я встала и сказала: «Я». Хотя это была не я. Встала только я одна, но мне не было страшно, так как миссис Бус меня любила, а мне казалось забавным мое фарисейство. Вот глупость! А еще я подумала, что все остальные тоже сознаются. Я правда так думала. Как в «Спартаке»: «Это был я, это был я». Но больше никто не встал. Помню, миссис Бус и вправду меня похвалила за то, что я встала, – я знала, что похвалит. Но еще, помнится, подумала: ставишь себя под удар, а получается дурацкая шутка. Так вот я познала некую соразмерность мира. Меня правда нельзя было назвать равнодушной. Я осознавала свою необычность; я так чувствовала. Мне это чувство личности не в диковинку. И я с раннего детства чувствовала, что я человек действия – именно такой я себя ощущала. Вот так. То, что я ставлю себя под удар, – это инстинкт. Но это не альтруизм. Тогда я думала: «Что ж, больше я так не сделаю». Но, конечно, делала».

Девочке на снимке, судя по всему, 4–5 лет. Фотокарточка с загнутыми от времени уголками – она такая давняя – черно-белая, но, несмотря на это, она приковывает к себе внимание. Девочка на фотографии – Вивьен. Она пытается улыбнуться, настороженно глядя в камеру, на ней новый, связанный матерью свитер с рисунком фэр-айл: в нем она в 1945 году пошла в школу.

«Да, мне здесь четыре или пять».

Вивьен Изабель Суайр в возрасте 4 лет и 9 месяцев

Эту фотографию, лежавшую на раскройном столе в студии, из окон которой далеко внизу видны крыши домов лондонского района Баттерси, Вивьен без конца крутит, перебирая пальцами с широкими ногтями. Детских фото у нее мало, и не потому, что родители не хотели запечатлеть на память ранние годы жизни старшей дочери. Мало фотографий – просто показатель того, как развивалось фотографическое искусство в Великобритании в середине века. Семья из графства Дерби, из рабочей среды, как у Вивьен, фотографировалась только по праздникам, на свадьбах и крестинах – или же для газеты, если об этих людях вдруг сочиняли репортаж. К 21 году у Вивьен уже накопились фотографии, сделанные по

всем перечисленным поводам. А эта – одна из первых фотографий, по которым сразу видно: это Вивьен.

Вивьен на фотографии четыре с хвостиком, а сейчас ей уже 72, как она с горечью призналась, – но она нисколько не изменилась. Такая же недоверчивая, насмешливая. Застенчивая, но упрямая – такова маленькая Вивьен, хотя, мне кажется, многие 4–5-летние дети именно так себя и ведут, вступая в мир. Полагаю, она такая на этой фотографии, потому что испытывает смешанные эмоции: она волнуется перед началом новой главы жизни и ей неуютно в новой одежде.

«Терпеть не могла, когда надо мной смеялись или когда могли подумать, что я глупая или еще маленькая. Поэтому я решила никогда не улыбаться на камеру. Ну хотя бы постараться. Мне необходимо было, чтобы меня принимали всерьез!

Из той поры мне больше всего запомнилось короткое платье, которое также сшила мне для школы мама. Думаю, оно мне правда шло, хотя в детстве оно, кажется, мне не нравилось, как и этот джемпер. Оно, то платье, было коричневым с маленьким воротничком в бирюзово-белую полоску. Простое, из коричневой шерсти, наподобие платьиц девочек из сиротских приютов. И на самом деле оно наверняка мне шло, но мне оно не нравилось. Мне всегда хотелось чудесное, красивое платье, как у принцессы, но у меня такого не было – как у маленькой принцессы Елизаветы или принцессы Маргарет Роуз. А это платье казалось мне ужасным, как у сиротки Энни, хотя на фотографии видно, что на самом деле оно было очень симпатичное и хорошо сшито. Моя мама серьезно относилась к одежде и к тому, что мне носить. Она сама нам все шила. Нам повезло, потому что она работала на ткацкой фабрике. Она портила здоровье, работая ради нас сверхурочно, чтобы у нас были хоть какие-то вещички, какая-то одежда. Впрочем, воспоминание о платье связано не с мамой, а с кое-чем другим. Я носила его, когда пошла в школу. Однажды я совершила ужаснейший поступок – этот день врезался в мою память. Прошло всего несколько дней с начала занятий, и я бежала из школы домой по холмистой пустоши – а мы жили в сельской местности, за деревней, у главной дороги, соединяющей две деревни. Я бежала обедать. До дома было, пожалуй, не больше двух третей мили, но и мне тогда было всего четыре года. Наши дома стояли между холмами, и по обе стороны дороги были очень крутые склоны, на вершине которых простирались поля. Я просто поднималась по склону и шла по бровке. В то время года было много малины. Вдоль края шел невысокий заборчик из деревянных колышков, за которые нужно было крепко держаться. Один мальчик – я помню, как его зовут, но не скажу, хотя ладно, скажу: Барри Свиндл – приходил к своей бабушке, которая жила рядом с нами и за ним иногда приглядывала. Я его почему-то боялась, очень боялась, поэтому и старалась залезть повыше, на склон. В тот день он был вместе с Брайаном Марсденом. Полагаю, сейчас они оба очень приятные мужчины. Так вот, склон был скользкий и влажный от глины, а он стоял, преградив мне дорогу, на узкой тропинке со своей палкой, и нам было не разойтись, так что мне пришлось спускаться вниз по всей этой глине и грязи, чтобы его обойти, и ноги у меня скользили и разъезжались. Но я знала, что он ударит меня палкой, если я пройду рядом, так что пришлось, испачкав платье, съехать вниз на другую тропинку. Я ободрала ноги, а в школу после обеденного перерыва опоздала. Так вот, когда меня спросили, почему я опоздала, я сказала, что тот мальчик толкнул меня в грязь, но это была совершеннейшая ложь. Не знаю, почему я соврала. Я про это еще никому не рассказывала. А мальчика вызвали в наш класс. Я себя ужасно чувствовала. Сейчас мне бы хотелось перед ними обоими извиниться. Видишь, у меня развито чувство стыда и вины. В конце концов я поняла, что, пожалуй, даже в некоторой степени восхищалась Барри Свиндлом и Брайаном Марсденом и любила их. Правда, взрослым дома я ни в чем не призналась. Сказала, что поскользнулась. Если бы я могла сегодня поговорить с той маленькой девочкой, маленькой Вивьен Суайр, я бы сказала ей: «Не бойся. Не надо. Если ты скажешь правду – настоящую, взрослую правду, – люди не

будут злиться. По крайней мере, впоследствии». И я вот как считаю: всегда слушайте детей. Вот поэтому я и помню то платье».

Из синего файла с бумагами и записочками Вивьен достает маленькую записку, написанную от руки на мягкой пожелтевшей бумаге военных лет, которую ее мать Дора отправляла в местную газету. Разборчивый уверенный почерк с завитушками, как и у Вивьен. Читаю:

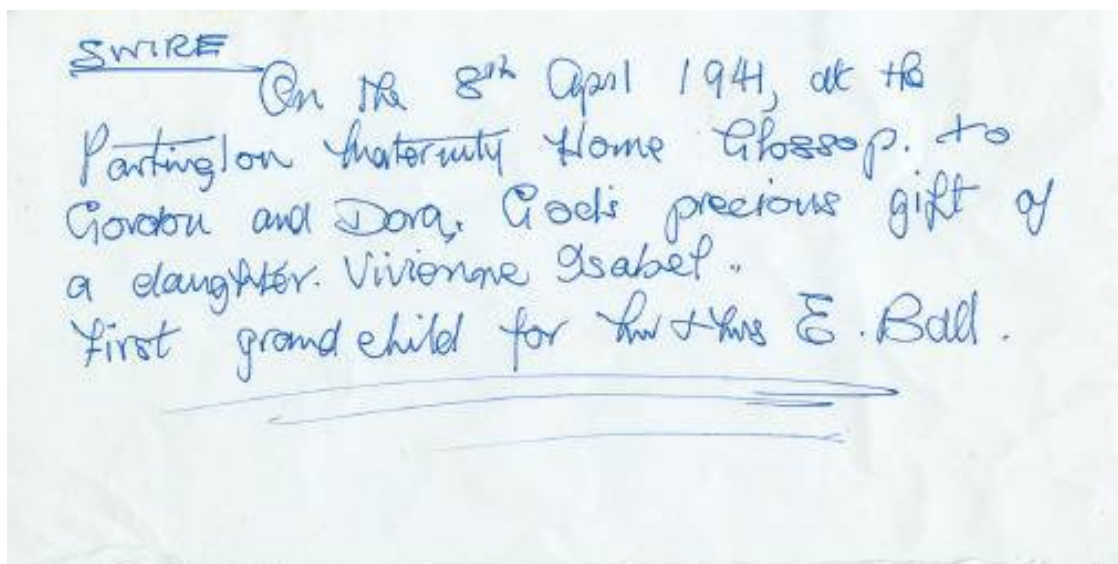
Суайр.

8 апреля 1941 года в Партингтонском родильном доме в Глоссопе Гордону и Доре Бог принес ценнейший дар – дочь. Вивьен Изабель.

Первая внучка мистера и миссис Э. Болл.

«Моя мама очень мной гордилась. Она гордилась мной, когда я была маленькой, и, я знаю, она потом тоже гордилась мной – той, кем я стала. Помню, она говорила, что я уже в полтора года наизусть читала стихи. Наверно, она имела в виду детские стишки-потешки. Мама рассказывала, что, когда мне был год и два месяца, к нам пришел почтальон и я поздоровалась: «Доброе утро, мистер Винеиблс», а он ответил: «Господи боже, миссис Суайр, ваша девочка болтает лучше нас с вами!» У меня всегда был акцент. Помню, когда мама попала в больницу, уже незадолго до смерти, и я приходила навещать ее, она всегда звала медсестер и спрашивала: «Вы знаете, кто эта молодая девушка? Вот это, юные леди, Вивьен Вествуд, моя дочь, она модельер, ну, вы знаете». Одно из последних воспоминаний, которое сохранилось у меня о маме, – когда мимо нее прошла медсестра и мама узнала ее и помахала рукой. Она, моя мама, была очень общительной. Мой сын Бен был с ней, когда она уходила. И она ему сказала, довольно разборчиво сказала: «Я не хочу умирать». Андреас – они друг друга обожали – плакал, он тоже был рядом до конца. А меня не было. Я была на акции протеста. «Кампания по ядерному разоружению». Я договорилась, чтобы освободиться пораньше и увидеть мамулю, но они позвонили мне первые... никогда не знаешь, как быстро все случится. Мне ее не хватает. Вот так. Не хватает».

В студии в Баттерси, где мы разговариваем, до сих пор ощущается постоянное присутствие Доры, матери Вивьен. Я знаю ее, правда только по рассказам друзей, семьи и Вивьен, и восхищаюсь ею. Конечно, один из ключей к пониманию человека – понять его мать. Вот, например, бродит маленькая собачка Доры, Джеки, она уже совсем старая. Дора умерла в 2008 году, и с тех пор ее собака живет то у Вивьен, то у ее сына Бена. О Доре постоянно помнят еще и потому, что Вивьен, теперь тоже мать и бабушка, все больше на нее похожа: об этом мне сказали и сыновья Вивьен, Бен Вествуд и Джо Корр, и брат Вивьен Гордон Суайр. Похоже, Дора Суайр и Вивьен Вествуд обе дерзко отвергли конформизм и вошли в пожилой возраст, не злясь на свое угасание, а просто его не замечая.

Объявление Доры Суайр о рождении дочери

«Моя мать Дора Болл родилась в деревне Тинтуисл в Дербишире. В семье было пятеро детей, она была второй по старшинству. Ее отец, мой дед, похоже, был несчастным и разочарованным мужчиной. Он ушел из школы в 14 лет и устроился прядильщиком на хлопковую фабрику. Дед был очень умен и дети его тоже, но он вел себя как тиран: однажды на глазах у мамы и Беатрис он в приступе ярости вышиб у кота мозги – у него был жуткий нрав. Несмотря на все его недостатки, мой дед был грамотным человеком и всегда много читал. В 1928 году Дора ушла из школы и в итоге устроилась на фабрику ткачихой. Может, из-за этого Доре всегда хотелось для своих детей самого лучшего – чтобы они добились всего, получив образование.

Моя мама Дора и папа Гордон были очень счастливы вместе всю свою жизнь. По крайней мере, нам, детям, так казалось. Он был такой же сильной личностью, как моя мать, а еще он был очень амбициозным и предприимчивым. Помню, он хотел переехать в Канаду или Австралию. А мама настояла, чтобы они остались жить рядом с ее матерью. Я так гордилась своим отцом, он был очень красивым мужчиной. Родители познакомились на танцах, и умер мой отец, когда ему было чуть за семьдесят, тоже на танцах. Потом мама говорила, что, если бы они не станцевали тогда шотландский «гей-гордонс», он до сих пор был бы с нами. У меня было просто великолепное детство. Идиллическое. Я родилась в сельской местности, родители у меня были чудесные, они все для нас делали, для меня, для Ольги и Гордона. А еще мой отец много интересного знал о природе. И был неплохим спортсменом и отличным танцором, очень общительным человеком, пользовавшимся большой популярностью. Самый лучший отец в мире! Родители подарили нам волшебное детство. Мы жили в Миллбруке у дороги, в полумиле от Холлингворта и в миле от Тинтуисла, в одном из каменных коттеджей. У нас были родственники в обеих деревнях, совсем неподалеку, и они часто заходили к нам в гости, и каждый раз мы ощущали это как особое событие, оттого что наш дом и семья, включая меня, должно быть, особенные, – по крайней мере, так мне казалось!

Вот такая семья. Мы на самом деле проводили много времени в деревне, навещали друг друга, вместе гуляли, ходили в Тинтуисл и Холлингворт и обратно. Очень приятно отправиться на прогулку и по дороге зайти к родственникам, выпить с ними чаю. Чаще всего мы навещали тетю Этель – она была состоятельнее других, – а потом шли домой. Наши выходные так и проходили. Я очень любила своих тетушек и дядюшек. Одно из моих первых воспоминаний: я слушаю их разговоры, впитывая все, потрясенная тем, как они по-родственному похожи и насколько они при этом разные. Тетушку Беатрис ругали больше всего,

потому что она ко всем придиралась и отличалась упрямством. Но у нее было доброе сердце, и я любила ее, как и остальных, и восхищалась ими. Для них я была и навсегда осталась «их Вивьен».

Почти всю стену нашей крошечной гостиной занимала угольная печь, переделанная из почерневшей металлической кухонной плиты. К ней обычно придвигали небольшой диванчик и стулья, и моя мама часами пела для нас, она очень любила петь, любила романтическую поэзию – Вордсворта и Вальтера Скотта. По вечерам она читала нам сказки братьев Гримм. Мы были окружены любовью. О войне я знала мало, разве что о карточной системе. Для меня это означало, что существовали вещи и сокровища, которых быть у нас не могло, я о них только знала. Например, не было бумажных украшений на Рождество, и нам приходилось украшать елку хромированными крышечками от банок с солью и перцем. Самым дорогим моим сокровищем был спичечный коробок, в котором лежали осколки стекла: это чем-то напоминало пудреницу моей подруги, украшенную искусственными драгоценными камушками и жемчужинками. А еще я мечтала о павлиньем пере, правда, оно казалось такой экзотикой, что я даже не смела надеяться его получить.

Непременными блюдами на праздниках были желе и бланманже³, и у меня эти холодные десерты и сотни кусочков из них, украшающих пирог, почему-то ассоциируются с детским счастьем. А еще с ним ассоциируются стены гостиной, окрашенные клеевой краской, которую мой отец сделал похожей на обои, нанеся зеленую краску при помощи скомканного кусочка ткани. Мама каждый год непременно устраивала праздник в честь дня рождения каждого из детей – начиная с года, – и мы всегда летом отдыхали на море. Помню, когда нам в школе задали написать сочинение «Моя биография», мама настояла, чтобы это было упомянуто прямо во вступлении!

Мне нравился наш дом в Миллбрук-Коттеджес – нравились сами камни. Все было из камня. Стены были толщиной аж 18 дюймов⁴, и я могла играть в оконной нише. И я любила понарошку опрокидываться – делать на стене стойку на руках и переваливаться на другую сторону. Пол, на котором мы играли в стеклянные шарики, был украшен каменными флагами; у нас была каменная кладовая, каменная раковина и каменный бак для белья с цинковой полусферой внутри. Когда мои родители вставали по утрам, я забиралась в их кровать и долго читала до тех пор, пока мама не звала меня, попросив Ольгу не таскать мне больше еду и питье. Тогда я перемещалась на диванчик в гостиной, а мама говорила мне: «Убери с дороги ноги» – и подметала. Она очень гордилась нашим домом. А пока я читала, она говорила: «Вот она, наша Вивьен, в своей стихии». А Ольге она говорила: «Можно ее там и оставить, нашу Вивьен, в ее стихии». И мама была права, так и было.

Мама всегда это говорила, правда без одобрения. Но я до сих пор употребляю ее выражение, когда лежу в кровати, не тороплюсь по делам и могу почитать. Чтение для меня – великая роскошь, и всегда ею было. В итоге маме удавалось выдворить меня из дома, чему я всегда радовалась. Я весь день проводила на улице. Разбивала маленькие садики – миниатюрные сады из мха для лесных фей. Я не любила зубрить, зато обожала прыгать через веревочку. Это великолепное занятие. Особенно если прыгать через две веревки сразу. Лучше не придумашь».

Брат Вивьен, Гордон, который младше ее на пять лет, соглашается: «Нам давали очень много свободы. Никто никогда не говорил нам, к которому часу мы должны быть дома. Мы сами возвращались домой, когда темнело, наигравшись в полях с друзьями. Мама считала так: нужно побольше свежего воздуха и фруктов и поменьше книг. Мама думала, что Вивьен слишком много читает и это плохо на ней сказывается. Так что, когда Вивьен было восемь

³ Б л а н м а н ж е – десерт из миндального или обычного молока, сахара и желатина.

⁴ То есть примерно 46 см.

или девять лет, она заставила ее выбросить все библиотечные карточки. Мама даже заплатила Вивьен за это: дала целых пять шиллингов, а это было ровно в пять раз больше, чем мы получали в неделю на карманные расходы. И вот какая у нас Вивьен: она взяла деньги – сумма была немаленькая! – и продолжила брать книги в библиотеке, одалживая карточки у друзей!»

Зря Дора так переживала. Вивьен с удовольствием проводила время в «своей стихии», зарывшись в книги – от Энид Блайтон до Диккенса и Вальтера Скотта, – но и к природе Дербишира относилась с любовью.

«Миллбрук-Коттеджес располагались у старого карьера. С раннего детства мама, посадив меня, помогала перелезть через стенку позади дома, чтобы я могла поиграть в зеленой долине, где цвели голубые пролески. Я подросла, и меня стали отпускать гулять по окрестностям. Вокруг было очень красиво и уютно, пока ты не доходил до пустоши. Она была безлюдной и немного пугала. Правда, я отлично чувствовала себя без компании, и мне всегда нужно было место, чтобы побыть одной. Только когда я одна, я могу подумать. Я лазила по деревьям и прыгала через ручьи. Была сорвиголовкой. Правда, когда моя подруга Норма Итчеллс спросила меня, хотела ли бы я быть мальчиком, я оторопела. Мне никогда и в голову не приходило, что может быть что-то лучше, нежели быть девочкой. Никогда не хотела ни быть мальчиком, ни чтобы мне разрешалось то, что можно им. Я родилась девочкой, и мне нравилось быть собой. Я хотела стать героем и не видела ни одной причины, почему героем не может быть девочка».

Дора и Гордон Суайр с Ольгой и Вивьен на руках. Сентябрь 1944

«Времена года, сменяясь, складывались в фоновую панораму моего мира, моих фантазий, дома, любимых людей и моего собственного «я». Одним утром в мае – это мой любимый месяц, может, как раз из-за этого воспоминания, – мамуля нарядила меня в клетчатое

платице и отправила на улицу со словами: «Подыши свежим воздухом!» Я читала на лугу под верхним карьером, земля там была мокрая от росы, скопившейся на высокой траве, в небе разносилось пение птиц, а в воздухе пахло цветущими деревьями и росой с боярышника, и тогда я сказала себе: «Я счастлива». Вот главные яркие моменты моего детства: мы с кузинами устраиваем пикники у Дэвилс-Бридж; ходим в гости и принимаем гостей, гуляем по полям с собаками. Или в полях темными зимними вечерами играем с факелами и весело перекрикиваемся. Помню праздники урожая. Помню, как прямо на снегу овцы производили на свет ягнят и их заметал снег. Помню, как писал Хаксли, «неброскую и меланхоличную красоту» английского пейзажа.

Правда, детство не было исключительно идиллическим. Когда вырастешь, переживаешь и боль. Сперва – когда родилась Ольга, но она, конечно, ни в чем не виновата, но тогда я начала осознавать, как много могут врать взрослые. Вот как было дело: мама никогда не говорила мне, что у нее будет еще один ребенок, а я и не замечала, что она как-то изменилась – ни живота, ничего. Вероятно, мне бы захотелось иметь сестру, но мама сказала только вот что: «Хочешь на недельку поехать отдохнуть у тети Этель?» Конечно, я согласилась и прекрасно провела время, а неделю спустя тетя сказала мне: «Сегодня за тобой мамочка приедет и привезет тебе маленькую сестренку». Вот так вот. А я очень сильно разозлилась и сказала: «Я убью ее и выкину в мусор». А когда родился мой брат Гордон, мне тогда было почти пять, единственное, что я помню, – я была сильно разочарована, потому что он был очень крупным младенцем, и я все думала, какой же он огромный, он не может быть моим младшим братиком! А еще я помню, как разозлилась, когда увидела брата на коленях у мамы, осознавая, что мне-то никогда больше не стать маленькой. Правда, мне по-прежнему хотелось, чтобы меня принимали всерьез и чтобы никто никогда не знал о моем невежестве. К примеру, я помню, что всегда хотела побыть подружкой невесты, но упустила свой шанс. Когда дядя Эд и тетя Элис женились, они предложили мне «понести подкову», я не поняла, о какой подкове идет речь, а гордость не позволила признаться, что я этого не знаю.

Кроме появления Ольги и Гордона другое действительно важное воспоминание из раннего детства связано у меня с религией.

Когда я впервые увидела распятие, оно сильнейшим образом повлияло на мою жизнь. Раньше я редко об этом рассказывала, и, может, это, прозвучит глупо или напыщенно, но, когда я его увидела, я была очень глубоко потрясена. Отчасти потому, что распятие было доказательством того, как мне казалось, что взрослые мне вдали. Я как сейчас помню этот случай: мы вместе с моей кузиной Эйлин, которой было лет двенадцать, были на задворках тетиной овощной лавки. Помню, как подтекал кран, помню вкус шипучки, которой угощала нас тетя, и календарь на стене: я его разглядывала. Наверно, была Пасха. На календаре было изображено распятие на кресте.

«Эйлин, что это?»

«Ты разве не знаешь? Вот глупая. Это Иисус, которого пригвоздили к кресту».

Больше я не вымолвила ни слова. Я была глубоко потрясена. И взбудоражена. Предполагалось, что я об этом знаю, а я не знала. Про младенца Иисуса я знала только рождественский гимн «В яслях». У меня в голове не укладывалось, что в мире были люди, способные на такое. Со всей своей детской пылкостью я думала, что остановила бы их и даже умерла бы, если бы это потребовалось, чтобы их остановить! Я никогда никому не рассказывала, что я тогда почувствовала. Мне было даже тогда стыдно за свое невежество: другие люди знали о совершенной над Иисусом несправедливости, а мне никто этого и не рассказывал. Невежество было преступлением. Преступлением было и безразличие. Никто о распятии не говорил; почему никто не был так потрясен?!

Видишь, в детстве мне эмоционально необходимо было любить Иисуса. Не быть христианкой для меня было предательством, равносильным согласию с его мучениями. И за

этим мировоззрением стояло вот что: я стала единственным пятилетним борцом за свободу в Дербишире! И посвятила себя борьбе с гонениями!

Каким-то образом в моем неокрепшем сознании младшие брат с сестрой смешались с распятием на кресте, и, знаешь, я думала, что взрослые вообще не рассказывают мне ничего важного! А они должны бороться с несправедливостью и не допускать подобных вещей. И в моем сознании все это довольно сильно перепуталось под влиянием страха, как мне тогда казалось, перед католическими церквями и их искусством, хотя на самом деле это был, скорее, страх перед «большими идеями» в жизни: меня пугали смерть, секс, младенцы, политика и все те понятия, которых взрослые не хотели объяснять.

До сих пор я неохотно признаюсь в этом. До сих пор мне кажется, что чувство, будто я не такая, как все, — очень личное, и я всегда стеснялась того, что так остро все чувствовала, даже когда была маленькой, думая: за кого она себя принимает? Правда, раз теперь я стала старше и могу отнестись к себе добрее, то могу сказать, что тогда мое сердце просто было очень искренним, — надеюсь, оно и сейчас такое. Я часто защищала тех, кого обижали другие дети, или, по крайней мере, пыталась защищать. Мне необходимо было бороться с несправедливостью, и я была замкнутой — оттого, что была необычным ребенком и испытывала потребность думать своей головой и составлять собственное мнение. Правда, эти качества едва ли способствовали моей «популярности»! Вот замечательный пример: у нас в школе был один мальчик-грязнуля, Эдвард, — чудесный кроха, двигавшийся и поворачивавший голову так, будто танцует, а на детской площадке он всегда играл один, и близко к нему никто не подходил. От бедняжки плохо пахло, а его светлые волосы были так грязны, что я, конечно, подумала: мне нужно его спасти. И решила, что буду делать: объявлю всем, что он мой парень (нам тогда было по шесть лет). Он пришел в ужас. До сих пор вижу его лицо, побагровевшее под слоем въевшейся грязи, — это был ужаснейший день в его жизни. Все смеялись над ним. И надо мной. А он очень расстроился. Так я поняла, что не всегда получается как лучше.

Зимы у нас в Дербишире бывали волшебными. Помню, когда мне было лет пять или шесть, на Рождество всю школу увешали бумажными цепочками. А мы рисовали снег на картинах, так что нам для этого выдали черную бумагу. Шла зима 1947 года, в тот год в Дербишире выпало столько снега, что заключенным, чтобы расчистить дорогу, приходилось прокапывать траншеи в сугробах в нашей низине. Так вот, помню, как-то в классе я замерла и стала прислушиваться, как восковые мелки выстукивали «тук-тук-тук», а снег все шел. К концу дня выпал целый фут, в классе все дети сидели радостные и сосредоточенные, а за окном беззвучно падали снежинки, выстилая на земле снежный ковер, по которому нам предстояло добираться до дома. И если выглянуть в окно, посмотрев как можно выше, и сфокусировать взгляд на падающих снежинках, казалось, будто поднимаешься в небеса.

Помню, мы с папой ходили далеко через снежное поле в лес Робинвуд, чтобы собирать остролист с ягодками. Наверное, это было на Рождество, потому что во время рождественских праздников мама с папой зарабатывали тем, что делали венки, которые продавали в лавке зеленщика. Еще папа делал лучшие во всей округе санки, самые удобные и быстрые, так что другие дети называли наши санки «почтовой каретой».

Ольга почти неотступно следовала за мной. В лесу она помогала мне собирать мох и его частички, и я делала миниатюрные сады с прудиками и деревьями, похожие на гроты фей. Ольге они очень нравились. Но еще больше она любила, когда я делала домик и мы мастерили чайный сервиз из шиповника, желудей и бузины. В те годы я мечтала стать взрослой и жить одна в пещере под корнями букового дерева, а потом, в один прекрасный день, выбраться оттуда в прекрасном тюлевом платье с розовыми лентами (я задумывала надолго вперед!) и случайно встретить красивого мальчика с фермы. Правда, что это будет за маль-

чик, я не знала. Им мог бы стать Бен Тимперли. Он тут же был бы сражен моей красотой в этом платье, а я бы просто сказала ему, что оно вообще-то повседневное».

Вивьен не зря отмечает, что все ее детство проходило во времена карточной системы в послевоенной Британии и среди пейзажей графства Дерби, и тогда и сейчас символизировавших тонкую грань, разделявшую естественные сельские ландшафты и первые последствия индустриализации. В общем, детство Вивьен проходило между вересковой пустошью и фабрикой. Война в основном пощадила деревни Тинтуисл и Холлингворт, как и большую часть Дербишира и, в частности, семью Вивьен. Рядом с Миллбрук-Коттеджес упала лишь одна бомба, по странному стечению обстоятельств не попавшая в цель – город Манчестер – и разорвавшаяся в целых 10 милях от нее. Но на ближайших родственников Вивьен война однозначно повлияла, причем не только негативно. Когда началась война, ее отец, Гордон, устроился на военный авиационный завод в Трэфффорд-Парке, и его на службу не призвали. На заводе «A.V. Roe», где он работал, производили бомбардировщики «Ланкастер», и после войны Гордон с гордостью рассказывал истории о том, как прямо за воротами предприятия, на плотине, работники проверяли качество бомб. У нескольких поколений семьи Вивьен с обеих сторон предпринимательство было в крови, и они всегда держали лавки – обувные и бакалейные. С 1928 года Дора работала ткачихой на местной хлопкопрядильной фабрике, где после 1939 года начали производить униформу и парашюты, а также камуфляжную форму, экипировку и палатки.

Вивьен в Скарборо, 1949

Брак мистера и миссис Суайр был и остался в памяти удивительно счастливым. Именно это, а еще то, что Дора и Гордон оба были красивы, в первую очередь вспоминают и друзья, и родственники, и сама Вивьен. Они были преданы друг другу, преданы детям – Вивьен,

родившейся в 1941 году, Ольге, родившейся в 1944-м, и Гордону-младшему (хотя никто его так не звал), родившемуся в 1946-м. Детство, которое описывает Вивьен в стиле Лоренса, романтическое, давно ушедшее, особенно запомнилось исключительной свободой. Ольга, Гордон и Вивьен в детстве явно жили в другой Англии: летом гуляли до позднего вечера, и это в те времена считалось нормальным; свободно исследовали окружающий вещественный мир. Их учили относиться к образованию утилитарно, видеть в нем основу будущей профессии. «Я никогда всерьез не думала, что смогу сдать вступительный экзамен для одиннадцатилетних в среднюю школу, но я знала, что это важно, – признается Вивьен. – Именно поэтому папа и перевел нас в церковную школу, со всеми ее монархическими взглядами и приверженностью англиканской церкви: дети оттуда чаще поступали в среднюю школу. Я говорю: дети, – хотя сдали экзамены почти все девочки!» Благодаря войне некоторые части страны, включая Дербишир, вышли из экономической депрессии. Конечно, трудности непосредственно повлияли на развитие текстильной промышленности, а еще – английской моды. Дербишир и другие графства, которые объединились в Большой Манчестер, процветали. Активно производилось обмундирование, плотные ткани для военных и прочих нужд. Семья Суайр, где оба родителя работали, а бабушка с дедушкой держали овощную лавку, жила и питалась довольно хорошо. Когда рядом с Тинтуислом упала бомба, на низенькую кровать, на которой спала Вивьен, посыпалась штукатурка – правда, она этого не помнит, – и уполномоченный по гражданской обороне пришел к ним, чтобы позвонить в ближайшую больницу. Суайры жили на краю прихода, зато у них был единственный в Миллбрук-Коттеджес телефон. И при этом в доме почти не было книг.

«Нам говорили, что лучше заниматься делом, а не читать. Папа поставил нам доску, чтобы мы рисовали на ней мелком, а я использовала ее как основу для макетов. Помню, однажды я сидела на улице и сделала из картона маленький фермерский домик, насыпала настоящей земли, разложила листочки звездчатки, которая напоминала крошечную картофельную ботву, сделала миниатюрную капусту, скрутив ее из листочков и посадив в землю. Мне тогда было лет семь. Я подумала, что у меня получилась славная маленькая ферма, но на самом-то деле я хотела произвести впечатление на маму и папу, и им ферма понравилась, хотя я и испортила папину доску. Папа очень хорошо умел работать руками – делал рождественские венки на продажу, чинил сломанные вещи, а мама, хотя никогда и не считала себя хорошей мастерицей, без усталости шила и вязала.

Так что я знала, что тоже умею кое-что делать своими руками. Правда-правда, лет в пять я уже могла бы сшить пару туфель. Я осознала, что я не совсем обычная девочка, только когда пошла в школу. Вот какой случай остался в моей памяти: я училась у миссис Тернер – той самой, которая знала, что в первые же дни в школе я всех обманула. Миссис Тернер часто делала с нами макеты. У нас были коробки из-под обуви, и мы с миссис Тернер делали дырку с одной стороны и помещали внутрь какую-нибудь картинку, так что получалась камера-обскура, а затем смотрели в дырочку и все видели. Как я любила такие поделки! Можно было даже засунуть в коробку папин фонарик и изобразить освещенную луной долину. В тот раз, о котором я рассказываю, миссис Тернер хотела устроить ярмарочную площадь, с каруселью и всем прочим, и попросила всех детей попробовать что-нибудь смастерить. Еще нужно было сделать маленьких человечков. И вот она мне сказала: «Ну, Вивьен, как нам сделать качели-лодочку?» Помните те старинные качели в виде лодки, которые бывают на ярмарках? А я уже знала. Моментально придумала. И ответила ей: «Возьмем спичечный коробок и кусочек картона и нарисуем на одной его стороне лодку. Потом возьмем еще такой же и приклеим по обеим сторонам коробка. А потом берем полоску бумаги шириной с коробок, потом перекручиваем все вместе и прикрепляем к середине спичечного коробка». Миссис Тернер на это просто сказала: «Ну, Вивьен, я вижу, ты знаешь, как это сделать, так что

сделай и покажи другим». Я взяла и смастерила всю эту ярмарочную сценку с маленькими качелями-лодочками.

Когда мне исполнилось восемь, папа перевел нас с Ольгой и Гордоном в Тинтуислскую церковную школу, и там я впервые попала на настоящий урок шитья. Школа была очень маленькая, начальная, и работало там всего три учителя, было три классные комнаты и три железные печки. У каждой печки был свой «контролер угля» – и я была одним из них! В то время содержать подобные церковные школы было удобно, потому что в них можно было тратить на каждого ученика меньше денег, так что классы меньше топили, и было меньше учителей. Зато раз в неделю у нас были занятия по шитью, и мы раскладывали на столе ткань; именно там меня научили цепному стежку. Вот одна из ранних предпосылок к тому, как я стала той, кем стала. Я рисовала, изучала природоведение, много читала и шила. И еще я мастерила разные вещи – и делала это постоянно. И все больше в школе. Как и девочек прежних поколений, нас учили вышиванию, у нас были традиционные сумочки для хранения работы, от нас требовали носить передники и даже нижние юбки. Но самым приятным уроком для меня был тот, на котором мы из фетра шили кукол. Урок проходил в доме миссис Лини, и раз в неделю она приглашала нас к себе на чай. Ты больше всего узнаешь о том, как что-то сделать, когда делаешь сам. В моей работе нужно уметь что-то делать руками».

Одежда – как тканая основа истории общества. Благодаря ей история жизни Вивьен такая захватывающая – такая интимная и по-женски понятная, но в то же время бурная и бунтарская. Задолго до того, как Вивьен сделала первые шаги в мире моды, в созданных ею вещах, рассказанных с их помощью историях отразились перемены в Великобритании.

«Пойми, в годы войны и в послевоенное время британцы сами творили свою историю моды. Знаю, вряд ли ее мог символизировать знаменитый победный жест – вытянутые пальцы в виде буквы V, – это вовсе не история успеха Черчилля, однако мало кто помнит, что одежда была частью политики за много веков до возникновения высокой моды, и я это испытала на себе, когда была маленькой девочкой. У тебя постоянно сидело в голове, что в стране карточная система, что одежду следует кроить экономно, что можно иметь ограниченное число карманов, а отвороты вообще под запретом. И ты всегда об этом помнил, даже когда натягивал темно-синие панталончики, помнил, что идет война, что люди нуждаются и что ты тоже ко всему этому причастен. Хотя нашей семье повезло. Не знаю, как маме это удавалось, но мы никогда не чувствовали суровых ограничений, например на резинку, да, мы о них не знали».

Вторая мировая война – как Книга Бытия для современной британской культуры. Фильмы и рассказы, которые сформировали образ мыслей британцев о своей стране и ее месте в мире, относятся к середине XX века – ко времени Великой депрессии, войны, к послевоенным годам лишений. В эти годы создавались национальная система здравоохранения, государство всеобщего благоденствия, в эти годы правила королева и жила Вивьен. Когда в мае 2000 года в Лондоне проходили антикапиталистические протесты, кого-то больше всего возмутило, что на голову каменному Уинстону Черчиллю поместили панковский ирокез из дерна. Тем не менее этот ирокез помог как нельзя лучше связать между собой некоторые ключевые моменты нашей истории и истории современной Великобритании – связать человека, который «спас западную демократию», и протестующих, считающих, что победа и жертвы войны были впустую. Британцы понимают, кто они в этом мире, и благодарить они за это должны ту эпоху, когда сформировались важнейшие институты страны, и тех людей, которые (кое-кто еще с той поры) до сих пор их возглавляют. Говорят, в них до сих пор живет дух «блицкрига» и Дюнкерка, то есть неукротимость, граничащая с упрямством и неуступчивостью. Вот какие черты стали частью образа британцев за рубежом: они эксцентричны, уперты, гордятся своей историей и модернизмом, рожденным под бомбами. Намеки

на эти свойства встречаются в различных символах и песнях, и на футбольных трибунах, и на церемонии открытия Олимпийских игр. История Вивьен тоже начинается в это время, в годы войны и ее последствий, она связана с политикой и историей общества не меньше, чем с тканями и модой. В жизни Вивьен много политики, потому что создаваемые ею наряды всегда были политизированными. С самого начала.

У Вивьен наметан глаз на ткани, и она до некоторой степени обязана этим своей семье; габардин и накрахмаленный хлопок, сукно и твид, которые и до войны, и сразу после нее производили на фабриках неподалеку от ее дома, до сих пор являются отличительными чертами ее коллекций. А в детстве производство тканей было частью войны и, кроме того, привычной частью жизни любой девочки.

Разумеется, режим жесткой экономии, в котором жила Вивьен, привычка детей и взрослых мастерить все своими руками и, согласно лозунгу, «обходиться тем, что есть», чинить одежду и беречь все для повторного использования до сих пор находят отражение в ее характере. И эти черты она разделяет с целым поколением англичан и даже с королевой: все они с гордостью и ностальгией вспоминают о том, как героически были настроены британцы, несмотря на скудную жизнь и необходимость затянуть пояса. «Покупай меньше, но более качественные вещи и ухаживай за ними» – мантра Вивьен Вествуд и ее компании в XXI веке: такую с успехом могло бы выдумать и правительство Эттли⁵. Все вещи должны были быть практичными, и правительство фанатично старалось как можно больше сэкономить, введя централизованный контроль одежды, которую носили женщины. Конечно, и тут не обошлось без политики. Люди это заметили. И с одобрением восприняли жертвы друг друга и поддерживали всеобщее настроение, согласились выглядеть одинаково ради великого национального дела, нося или не нося ту или иную одежду. И это тоже в своем роде одна из мантр Вивьен: одежда для героев, одежда, которая выражает твои стремления. Тем не менее одежда рационального кроя стала синонимом политического и пропагандистского переворота, совершенного в первую очередь за счет женщин. Возьмем нижнее белье. Принятый в 1943 году Закон о рациональном использовании резинки редко упоминается в связи с историей Второй мировой войны или социальным прогрессом в жизни женщин. А стоило бы. Закон этот запрещал женщинам использовать резинку в любых предметах одежды, исключение составляли только корсеты и трусики, которые носили женщины, непосредственно вовлеченные в тыловую работу, – так решили в Министерстве обороны. «Когда ваши подвязки изнашиваются, – советовало правительство, – отрежьте их износившуюся эластичную часть и замените ее прочной дюймовой или двухдюймовой лентой». Потребовалось личное участие Нэнси Астор⁶, чтобы министерство отменило закон об экономии на нижнем белье. Британки продолжили борьбу, вооружившись повторно используемыми прорезиненными подвязками, – так они образно стегнули Гитлера трусами по лицу в знак неповиновения. У девочек с нижним бельем все было по-другому. В детстве Вивьен должна была носить трусики на пуговицах, это была обычная практика, поскольку резинка в воюющей Великобритании просто исчезла. Но Доре каким-то образом удавалось, с риском для здоровья работая внеурочно ради детей, добывать резинку и бороться дальше.

⁵ Эттли Клемент Ричард – британский политический деятель, лидер лейбористской партии и 62-й премьер-министр Великобритании (1945–1951).

⁶ Астор Нэнси – первая женщина, ставшая депутатом палаты общин, нижней палаты британского парламента.

Семейство Вествуд. В верхнем ряду (слева направо): Джо Корр с внучкой Ольги Ханной на руках, Питер Уоттс (муж Ольги), Бен Вествуд (с собачкой Джеки), Гордон Суайр, Андреас. В нижнем ряду (слева направо): Кора Корр, Ольга, Люси (дочь Ольги), Оливер (сын Ольги), Джеральдин (жена Гордона), Вивьен

Каждый может рассказать о том, когда начал осознавать себя. Мы рассказываем такие истории друг другу и самим себе – о своем прошлом. О своем прошлом как отдельного человека и как нации. Вивьен говорит, что ее жизнь как активиста и гуманиста началась с того момента, когда она увидела потрясшее ее распятие – безусловно, своего рода откровение Павла на пути в Дамаск. Мир полон ужасных страданий, и ее долг – лично помочь облегчить их.

«Знаю, моя реакция на изображение распятия была странной, но и тогда, и сейчас у меня оно вызывает очень личные переживания. Еще ребенком я знала, что вокруг много злых людей, и не хотела быть такой же».

Творчество Вивьен как политизированного модельера уходит корнями в военное время с его политизированной одеждой и жесткой экономией. А на проводимую ею экополитику повлияло то, что она жила в то время, когда все вокруг понимали, что следует повторно использовать вещи и поменьше выкидывать – и это стало частью ее личности.

«Думаю, говоря о прошлом, нужно не просто пересказывать одни и те же проверенные истории, а каждый раз смотреть на ушедшую эпоху новым взглядом и оценивать ее максимально точно. Я не хотела бы ограничивать свой рассказ в этой книге только тем, что уже сказала. Сейчас я понимаю, что даже этот случай с распятием, упоминать о котором мне долгие годы было неловко, ныне меня нисколько не смущает. Есть некоторое утешение в старости и в том, что тебя прежде всего считают эксцентричной. Каждому ясно, что его прошлое похоже на череду коротких сценок. Прошрое – история, для которой ты из своей памяти выбираешь те вещи, которые кажутся важными. Ничто из прошлого не является абсолютной правдой. Зато полностью становится понятно, кто ты, только если эти сценки соединить воедино. Именно это нам и предстоит сделать, нам с тобой, Иэн, – сшить вместе все жизненные сцены. Я оглядываюсь назад: вот она я, но одновременно и не я. Ты понимаешь, о чем

я? Так что сейчас я оглядываюсь назад и едва ли могу узнать себя или узнаю только какую-то крошечную часть в той, какая я сейчас, и думаю: «Глупая, глупая девчонка, как можно было быть такой наивной?» Но и наивность тоже что-то дает тебе в жизни, вызывает жажду познания. Знаешь, вот что я сказала бы той девочке на фотографии: «Не бойся. Не бросай книги. Говори все как есть. И еще: думай своей головой».

Да здравствует рок

С чего на самом деле началась молодежная культура? С рок-н-ролла.

Томми Робертс, владелец поп-арт-бутика «Mr Freedom», арендодатель Вивьен

Еще когда училась в школе, я начала шить вещи в рок-н-рольном стиле. Всякие самодельные штучки. И слоган «сделай сам» стал моим девизом. Летом мы по-быстрому сооружали топы, напоминавшие маленькие бюстгальтеры, из двух шарфов, уголки которых сшивали вместе за плечами. Ну и все в таком духе. Подростком быть в то время было сплошное удовольствие.

Вивьен Вествуд

2 июня 1953 года по всей Англии лил дождь. Было запланировано множество увеселений и уличных мероприятий, но они не состоялись. В день коронации двадцатипятилетней Елизаветы Виндзорской двенадцатилетняя Вивьен, которая только поступила в Глоссопскую среднюю школу, пришла на чаепитие в честь «мокрой» коронации в свою старую школу в Тинтуисле. Семейство Суайр в полном составе, вместе с десятками других людей, отправилось к соседям: только у них в округе была бытовая новинка – телевизор. Как и прочие «новые елизаветинцы» по всей стране, они облепили экран, желая увидеть старинную церемонию в Вестминстере. В Вивьен увиденное по телевизору оставило глубокий след, и такой же глубокий след оставила ее монархически настроенная церковная школа. Она говорит, что личность человека формируется в юном возрасте. Тогда же были заложены и некоторые мотивы, встречающиеся в ее творчестве. Звуки и образы 50-х годов наполнили модели Вивьен. А еще все то, что ассоциируется с Англией и с королевой – и с определенным периодом истории культуры страны. Заявления Черчилля о начале новой эпохи надежд и желаний – это, конечно, хорошо, но обычно послания лучше воспринимаются, когда их передают при помощи визуальных средств, зрелищно и с соблюдением ритуала, так что показ старинной церемонии коронации с нарядами и миропомазанием, в цветах 50-х годов, с особым вниманием к стайке пышно разряженных девушек, впервые представлявших ко двору и, разумеется, к молодой королеве, возымел свой эффект. С тех пор Вивьен и стала обращаться к атрибутике царской власти и аристократичности, к традиционным мотивам и истории – начиная от футболок с надписью «Боже, храни королеву» до коллекций «Харрис-твид» («Harris Tweed») и «Англомания» и державы на логотипе ее компании. На фоне тусклой серости Великобритании времен жесткой экономии коронация запомнилась взрывом ярких красок. И кроме того, во время церемонии все внимание было приковано к нарядам, к самой церемонии и к королеве. Так что взгляд Вивьен неизбежно должен был преломиться под определенным углом, а благодаря коронации образ и метафора, которые прежде уже возникли в ее голове, теперь прочно в ней обосновались: родиться в Англии и быть женщиной – нечто особенное.

«Примерно в это время в моей жизни произошли большие изменения. Из моей начальной школы сдавали вступительный экзамен в среднюю школу восемь детей-ровесников. За год до коронации шестеро из нас – все девочки – успешно сдали экзамены. Мы переехали из Миллбрука, из наших коттеджей, и год жили в новом муниципальном жилом доме в Холлингворте, а потом переселились в Тинтуисл: мои родители накопили денег, купили Тинтуислское почтовое отделение и стали почтмейстерами.

Тинтуисл находился посередине между Хайдом и Глоссопом, где были средние школы. Одно и то же расстояние на автобусе. Раньше местные дети ходили в школу в Хайде. Но за год до того, как я поступила, две девочки чуть постарше меня выбрали Глоссоп и попали туда, вот и я пошла по их стопам. Одна из них была первой ученицей в своем классе, а другая – второй во всей школе, так что на нас тоже возлагались большие надежды. Но вот какая штука: хотя те девочки и были очень смысленными, они бросили школу в пятнадцать лет и устроились работать на хлопкопрядильную фабрику, причем обе – умницы, очень сообразительные, прекрасные ученицы. Даже они ушли. Там, где я росла, девочки постоянно так поступали. Новая директриса чего только ни делала, чтобы убедить их доучиться. А они все равно бросали школу. Мы толком не знали, чем хотели бы заниматься. Но в какой-то момент я поняла, что очень хорошо рисую, мне нравится искусство, и у меня постепенно появилась мысль когда-нибудь пойти в художественную школу.

Когда я поступила в среднюю школу, то надеялась, что у меня появится верная подруга, как та, о которой я читала в подростковых романах, и что мы будем бесконечно преданы друг другу. И мне казалось, что я такую подругу нашла, что это Джулия, но она предпочла дружить с другой девочкой. Как же я горевала! Перестала страдать, только когда начала встречаться с мальчиками. В пятнадцать лет я была еще ужасно глупенькой, в свободное время еще играла в детские игры, и все отличие от маленьких детей состояло в том, что в пятнадцать мы уже носили юбку-карандаш, белые носки и бархатные туфли для танцев. А еще мы осмеливались не носить хвост прямо на макушке, как маленькие девочки, а завязывать хвостик высоко на затылке, как у Эны Портер, девочки старше и бойчее нас, и нам говорили: «Опустите хвост на три дюйма ниже!» Я считала, что юбка-карандаш – пожалуй, самый волнующий предмет одежды из когда-либо созданных. Я шила себе очень узкие юбки и платья, как у одной девочки, которую видела, когда отдыхала в Батлинсе. И для меня, девушки-подростка, такая смена стиля, когда я надела высокие каблуки и узкую юбку, нарядилась и пошла на танцы, была равносильна тому, что я за ночь превратилась из девочки в женщину. Я никогда не забуду испытанного волнения. Правда, ничего неприличного я не делала. Помню, как первый раз по-настоящему поцеловалась: мне было пятнадцать, и мальчик поцеловал меня в парке. Я была глубоко потрясена, но не из-за самого поцелуя, а потому что он сказал мне, что любит меня, а я подумала, это же смешно – в пятнадцать-то лет.

Что касается обуви, так в то время создавали невероятно интересные модели, правда, я об этом не догадывалась. Мне приходилось ездить в Манчестер, чтобы купить туфли, и я скопила немного денег на случай, если увижу что-нибудь бесподобное. И один раз я поехала и увидела невероятную пару обуви – я даже и мечтать о такой не могла: я увидела шпильки. Они только начали появляться в продаже, так что во всем магазине было всего две пары. А когда я уходила, осталась только одна. В понедельник я принесла их в школу и поставила на парту, чтобы все смогли полюбоваться. Помню, я так замечталась, что не заметила, как вошел наш учитель истории, мистер Скотт. Я его обожала. Помню, он увидел мои туфли и сказал: «Так-так, Вивьен Суайр, если бы Бог задумал, чтобы мы носили на ступнях булавки, он бы дал их нам». Я была на седьмом небе. Было приятно, что он обратил на меня внимание и застал врасплох: он мне нравился.

Когда я поступала в Глоссопскую среднюю школу, я мало понимала в том, что можно назвать «высоким искусством», а когда я выпускалась, то получила о нем лишь смутное представление. В школе мой мир состоял только из английской литературы и истории – эти предметы я действительно любила. На экзамене обычного уровня по литературе я получила 95 %, а по истории – 90 %! Дома я читала Диккенса, а в школе мы проходили «Ветер в ивах», «Смерть Артура», «Макбета» и «Генриха V». Мне нравился Китс, меня очень тронула «Поездка в Индию», а еще Мопассан и Чосер. Мне казалось, они хорошо рассказывают о жизни и сексе и человеческих состояниях; об общем в частном.

Вивьен в 15 лет

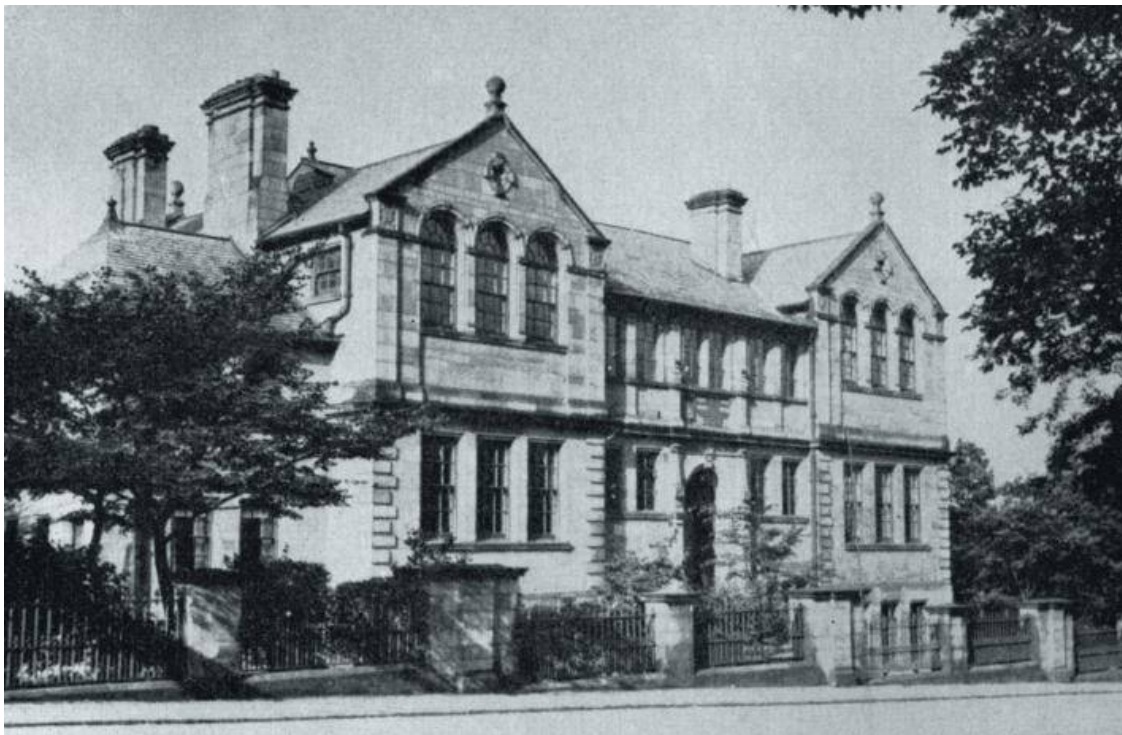
Мы толком не знали ни какую профессию нам выбрать, ни какие у нас перспективы. Особенно это касалось нас, девочек. Школа здесь была ни при чем. Вообще-то директор возлагал на нас большие надежды, однако в очень ограниченном смысле. Когда нам было по 16 лет, он пришел и спросил, собираемся ли мы в шестой класс. А еще спросил, кем бы мы хотели стать. Я не имела ни малейшего представления. Моя подруга Морин Парселл хотела выучиться на архитектора, но ее мама сказала, что ей надо стать парикмахером, потому что Морин – творческая натура. Еще одна подруга хотела сделаться журналисткой, настоящей, а не просто писать в «Glossop Chronicle». Но даже директор решил, что это совершенно нереально, и сказал ей, что лучше стать медсестрой. Если бы я осталась жить в северной части Дербишира, я бы, пожалуй, пошла учиться в шестой класс, потому что любила школу, очень любила, правда, там нам рассказывали только о четырех профессиях. Можно было стать школьной учительницей, парикмахером, медсестрой или, что более вероятно, секретаршей. Так обстояли дела. Никому не советовали ничего другого.

Вот с чем я подошла к шестому классу. Например, я думала, что библиотекарь – это тот, кто достает с полки книги. Если бы я знала, чем в действительности занимались – и занимаются – сотрудники библиотек, то, пожалуй, очень захотела бы там работать, заниматься исследованиями и всем прочим. В окружении великой литературы.

Наш учитель рисования мистер Белл был весьма необычной фигурой в школе. Он потерял здоровье во время войны, пробыв долгое время в концентрационном лагере в Японии, а еще он шепелявил: его пытали и отрезали язык. Конечно, рисовать нас учили, но я понятия не имела о существовании художественных галерей. Ни разу не держала в руках альбомов с репродукциями, даже никогда не видела иллюстрированных книг, ничего такого, пока не появился Гордон Белл. Почему-то все книги, которые я читала, были без картинок. Так что я родилась там, где этого визуального языка не существовало. Мне должно было исполниться 17, и примерно за месяц до переезда в Лондон мистер Белл рассказал мне о художественной галерее в Манчестере, и я туда отправилась. Эта поездка на самом деле изменила мою жизнь. До этого я ни разу не была в художественной галерее, даже не знала об их существовании. Я слышала о разных художниках, например о Микеланджело, но думала, что все их произведения находятся в частных коллекциях или в католических храмах. Теоретически нам рассказывали про искусство, так что действительно странно, почему нам ничего не говорили о картинах и галереях. Нам рассказывали об архитектуре, о замках, о «перпендикулярном» стиле, немного о елизаветинских зданиях и постройках XVIII века. И о плакатах. Да-да. О графическом и промышленном дизайне, о шрифтах. В общем-то не самое лучшее образование. Но нужно отдать мистеру Беллу должное: он разрешал нам рисовать с натуры, но мне никогда не позволялось рисовать что душе угодно, рисовать по-настоящему. Зато именно мистер Белл заметил, что искусство во мне зажигало какую-то искру. А потом, в последней четверти, он показал мне художественный альбом, посвященный импрессионистам. И задал мне сделать несколько рисунков по фотографиям в их стиле. А еще он много со мной разговаривал. Он познакомил меня с несколькими работами Сёра в технике пуантилизма и с другими работами в иных техниках рисования, которые использовали импрессионисты, и сказал: «Маленькая кисточка тут не подойдет, но ты не бойся». Так что я рисовала свои пейзажи и все остальное большой трафаретной кистью. Ничем не стесненная. А однажды он увидел мои наброски моделей и первый похвалил, сказав, что у меня отлично получается. Мистер Белл считал, что мне надо поступать в художественную школу. Он помог мне отобрать работы для поступления, но, что важнее всего, он придал мне смелости. Именно он сказал мне: «Иди вперед, давай». Сын мистера Белла Айван, с которым я познакомилась позже, рассказывал, что из-за меня у них дома бывали размолвки: мистер Белл постоянно обо мне рассказывал, и его жене эти разговоры до смерти надоели!»

У учителя истории, мистера Скотта, было не такое впечатляющее прошлое, как у Гордона Белла, зато он был моложе и страстно увлечен политикой. Вивьен и ее одноклассникам в их выпускной год в Глоссопской школе он преподавал предмет под названием «Основы государства и права», заражая учеников своим открытым либерализмом.

«Первое, что он нам объяснил, – этот акт «Хабеас корпус» о неприкосновенности личности. Он с гордостью рассказывал нам о цивилизации и демократии и с ненавистью отзывался о произвольных арестах, например при французской монархии, которые привели к взятию Бастилии. Он любил говорить: «Если мы хотим свободы, нужно считать демократию само собой разумеющейся». Благодаря ему я это усвоила еще в 16 лет».

Глоссопская средняя школа, 1957

Семья переехала южнее, но, даже если бы этого не случилось, Вивьен все равно подала бы заявление в художественную школу, предоставив работы, которые отобрала вместе с учителем. Хотя спустя несколько лет ее уверенность в себе как в художнике улетучилась, впечатление от похода в Манчестерскую художественную галерею и вера в нее мистера Белла, а также пример ее матери Доры, показавшей, что судьба женщины – в ее собственных руках, на некоторое время отдалили Вивьен от подруг. Кроме того, в те годы, как, впрочем, и сейчас, когда существует империя Вествуд, Вивьен мучил один вопрос: как сочетать коммерческие дела со стремлениями художника? Годы учебы в школе сформировали у нее определенные предрассудки, в частности она была убеждена в том, что профессия должна приносить доход. Между тем ее внутренний мир освещала любовь к литературе и вера мистера Белла в ее талант художника. И что с этим поделать?

«Все, что в дальнейшем со мной произошло – переезд в Лондон, встреча с Малкольмом, увлечение модой, искусством и политикой, – началось в 1958 году. Мне вот-вот должно было исполниться семнадцать, и мир мой кардинально изменился. Мои мама с папой решили, что у нас, детей, будет больше шансов преуспеть в жизни, если мы переедем в Лондон. Так что они купили почтовое отделение в Харроу. В апреле 1958 года мне должно было исполниться 17, а переехали мы в феврале или марте. Так что я одна из немногих сверстников, кто продолжил учиться в Глоссопской школе после 16 лет. Я пару месяцев ходила в шестой класс, а потом мы уехали в Лондон, я подала заявление в Школу искусств в Харроу, приложив папку с рисунками, которые отобрали мы с мистером Беллом, и меня взяли».

Брат Вивьен Гордон вспоминает, что переезд в Лондон стал важным поворотным моментом для всей семьи, и решение это далось непросто. Никто из всех многочисленных родственников никогда не уезжал из окрестностей Тинтуисла и Холлингворта, а многие и до сих пор там живут. Некоторые с сомнением отнеслись к задумке Суайров, а дети – Ольга, Гордон и Вивьен – не были уверены, что хотят уходить из своих школ и расставаться с друзьями. И все же экономическая ситуация давила на родителей Вивьен, а в конце 50-х годов

случилась очередная рецессия послевоенных лет, так что Дора и Гордон решили, что на относительно благополучном юге у них более надежные перспективы. «В те времена не так-то просто было решиться сбежать в Лондон, – вспоминает брат Вивьен. – Многие думали искать лучшей жизни в Австралии или Америке или еще где-то, но не в Лондоне. У родителей не было какого-то генерального плана, но они были людьми амбициозными и когда видели какую-то возможность, полезную для нас, детей, или для себя, то хватались за нее». Детям необходимость переезда объяснили весьма сухо и прагматично: «Папу подкосила экономическая депрессия, и он решил, что, если будет работать на правительство, у него будет постоянная зарплата. А если руководить почтовым отделением и бакалейной лавкой при нем, то посетители, идя через весь магазин, обязательно что-нибудь купят». Мама с папой поняли это и работали то в одном почтовом отделении, то в другом. И в конце концов добрались до Лондона».

Вивьен провела всю свою взрослую жизнь в Лондоне. Благодаря известности и эксцентричному образу Вивьен – одна из немногих современных лондонских знаменитостей, о ком, пожалуй, почти каждый лондонец может рассказать какую-нибудь коротенькую историю, обычно о том, как чуть не задавил ее, когда она ехала на велосипеде. Сперва Вивьен испытывала в городе своего рода клаустрофобию и терпеть не могла манеру лондонской молодежи собираться в группы по интересам. Вообще, сперва Вивьен оказалась не в самом Лондоне, а в зеленом пригороде, рядом с Харроу-он-зэ-Хилл, хотя он расположен скорее не на холме, как явствует из названия, а у подножия – в том месте, которое позднее стало называться Метролэнд, где все вокруг работали в сфере услуг. Почтовое отделение, которым Дора заведовала перед тем, как переехать в Лондон, находилось на Стэйшн-Роуд, 31, в Харроу. Вся семья Вивьен приехала туда на поезде. В здании, где была почта, еще находился местный универмаг, а над магазином располагалась большая квартира с тремя спальнями. Вивьен спала в одной комнате со своей двенадцатилетней сестрой Ольгой. На пороге семнадцатилетия Вивьен получила аттестат зрелости в Глоссопской средней школе и, как советовал мистер Белл, поступила в Школу искусств в Харроу, на курс ювелирного и серебряного дела. Это единственное официальное образование в области дизайна, которое она получила.

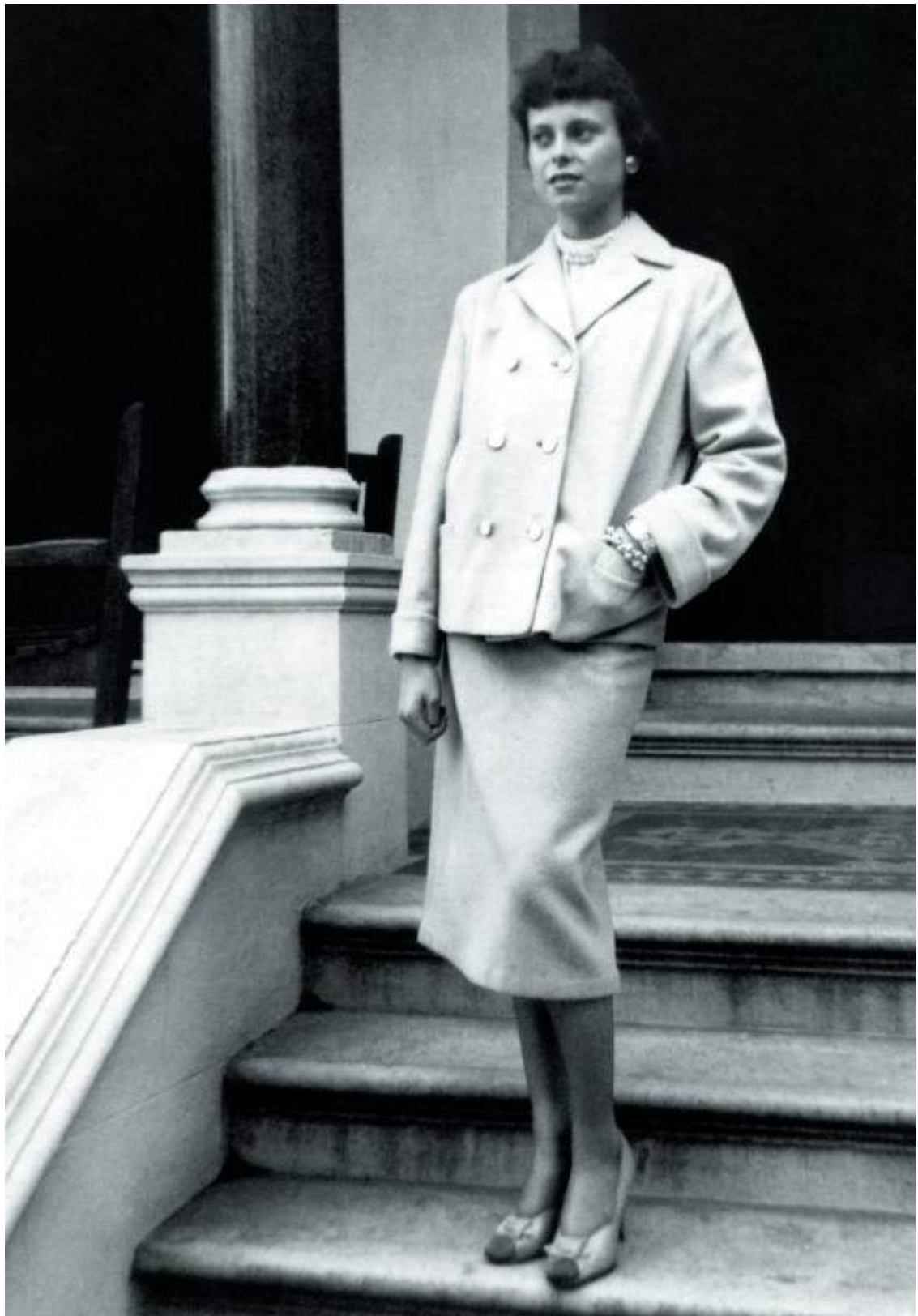
Вивьен тяжело и долго привыкала к жизни в пригороде Лондона. С одной стороны, ей как подростку непросто было влиться в новый социальный круг. С другой стороны, она тогда встречалась с мальчиком из Манчестера, и их «любовная связь» («в которой совершенно не предполагалась любовь») служила предлогом ездить по выходным в родные края.

«Дело в том, что я встречалась с мальчиком, он мне нравился, и окрестности Манчестера тоже нравились. На самом деле мы не настолько сильно любили друг друга или что-то в этом роде, нет, я вообще-то не была так уж сильно к нему привязана. Мы были знакомы всего несколько месяцев. Он был невероятно милым, обаятельным молодым человеком. Так что даже признание в том, что я не так уж сильно была к нему привязана, – что-то вроде предательства. Он был очень приятным. Очень красивым. Он из тех людей, которые всегда излучают дружелюбие. Надеюсь, он не будет против, если я скажу, что его звали Джимми Грант, он был курсантом полицейского училища и жил довольно далеко, на другом конце Манчестера, в Чаддертоне. Мы познакомились, когда я по субботам работала в одном из магазинов «Вулворт» в Манчестере. Туда всегда заходили молодые парни, пытавшиеся нас закадрить, меня и мою подругу, и спрашивали: «Хочешь пойти сегодня на танцы? Будут танцы в такой-то школе, где учится такой-то». И мы ходили с ними. Так я и познакомилась с Джимми Грантом и его другом. Оба они учились в полицейском кадетском училище. Но они никогда – боже упаси! – нам напрямую не говорили, что они полицейские.

На нашем первом «свидании» он настоял проводить меня до дома. А сам жил в 20 милях от меня. Он сказал, что обратно поймает машину. А еще он категорически настоял поехать со мной до дома на последнем автобусе. На улице лило как из ведра, а мой зонт

он взять отказался, ведь с зонтом ходят только неженки. Это засело в моей памяти, потому что Джимми Грант шел всю дорогу обратно под проливным дождем. Не знаю, надеюсь, его форма не испортилась, наверняка он сумел ее отжать. Но как сейчас вижу Джимми, шагающего пешком, подняв воротник. Вряд ли мы были влюблены друг в друга. Думаю, я и тогда это понимала. И я не понимала, зачем ему понадобилось провожать меня до дома. Я все отговаривала его, но ему так этого хотелось. Таков был Джимми. Вообще-то переезд в Лондон оборвал наши с ним отношения. Я всего раза три приезжала к нему.

Так вот, Лондон мне с самого начала не понравился. Первое, на что я обратила внимание, когда переехала, – что люди должны заранее планировать, когда встретятся. Нельзя было просто появиться где-то и проводить время так же, как в окрестностях Манчестера. Помню, я как-то пошла на танцы одна – я любила танцевать, – и всего один раз я с кем-то танцевала, а потом осталась совершенно одна: со мной никто не хотел танцевать, потому что я танцевала иначе, у нас и вправду была какая-то другая манера. На танцах в Дербишире и Манчестере у нас все было устроено очень хорошо. Исполнялось три композиции, потом шел длинный проигрыш. Девушка говорила «Большое спасибо» и уходила к своим подругам или еще куда-нибудь, так что мне этот ритуал всегда будет больше нравиться. А когда я переехала в Лондон, в музыку и танцы пришли новые течения. Так что на танцах мне стало неловко, и я ушла. И ощутила тоску по дому. Лондон, казалось, не принимает посторонних. А вскоре после переезда на смену танцевальным залам с музыкальными группами и партнерами по танцам пришла мода на клубы, и все стали танцевать поодиночке в этих темноватых залах. Нельзя было даже толком разглядеть, кто во что одет, а это мне никогда не нравилось. А еще я всегда любила с партнером поговорить. Мне не нравится просто танцевать в темноте, не видя людей. Мне сразу не понравился клуб «Ронни Скотт» и прочие подобные места, и вообще модерн-джаз мне тоже не нравился. Мне нравился рок-н-ролл. Я его обожала. Но в тогдашнем Лондоне все начали увлекаться модерн-джазом, а я никогда особой любви к нему не питала.

Вивьен в 15 лет на отдыхе на острове Мэн

На самом деле отношение к Лондону у меня изменилось благодаря двум вещам: во-первых, я порвала с Джимми, съездив в Манчестер, во-вторых, поступила в Школу искусств в Харроу. Итак, наступила весна 1958 года, мне 17 лет, и я учусь в художественной школе. Поступила в апреле, а летом уже бросила. Я проучилась там только один семестр на подго-

товительном курсе. А по пятницам я ходила на курс по моделированию одежды. Это был предмет по выбору. Наша преподавательница была человеком известным, ее звали Мэгги Шеперд. Я видела, как девушки два или три года ходили только к мисс Шеперд и выполняли у нее дипломную работу – шили платья. Очень красивые платья. А я просто до смерти хотела шить платья. Этим я и мечтала заниматься.

Прежде я уже шила себе сама – все, кроме пальто. Еще в школе мне хотелось шить себе какие-нибудь по-настоящему модные вещи и иметь возможность их носить. Но нам это не позволялось, нас заставляли сидеть над набросками, и, по правде сказать, мне это просто наскучило. Хотелось сделать что-то настоящее.

Тем временем я превратилась в так называемую традиционщицу и в некотором роде переосмыслила свой образ: одевалась в пышные юбки и свободный вязаный джемпер поверх топа, повязывала на голову небольшие шарфики, носила большую корзину с предметами для рисования и ходила босиком. Прямо как художница! Почти все в нашей школе искусств увлекались традиционным джазом, хотя я никогда особо не интересовалась музыкой традиционщиков. При этом ходила по Харроу босая, с шарфиком на голове и в длинной юбке. Это я-то! Из спецпредметов я выбрала моделирование одежды, но была абсолютно разочарована: нам разрешалось только рисовать, а я хотела, чтобы меня научили, как идеально сшить себе платье. Так что я перешла на курс серебряного дела, где чеканила медные браслеты и создавала серебряные кольца.

В Харроу у меня появилось несколько новых друзей, но они все казались мне какими-то не от мира сего. Если они встречались с парнем, то вешались на него. Они ходили на вечеринки в джаз-клубы. А мне бородачи и приторность этих альтернативщиков не казались сексуально привлекательными. У себя дома я привыкла ходить в танцевальные залы. Каждую субботу тебя приглашал новый парень, и, может, разок ты ходила на свидание в кино и весь сеанс целовалась на последнем ряду. В школе искусств у меня появилась хорошая подруга, Сильвин Багг (она произносила свою фамилию как «Бугг»), она тоже была из семьи рабочих. Благодаря ей у меня возник интерес к новой лондонской городской моде, вращавшейся вокруг модерн-джаза: парни носили короткие свободные итальянские куртки, которые все называли «морозильник для зада», а девушки – юбки-карандаш, едва прикрывавшие колени. Мы с Сильвин сделали прически с начесом и заказали у Стэна, грека-обувщика из Баттерси, туфли с длинными острыми носами, выдававшимися на три дюйма. Мы называли себя «модами» от названия «модерн-джаз», «современный джаз», под который было классно танцевать и который отличался от чуть более позднего образа модов – как у молодого Мика Джаггера и Роджера Долтри. В 58–59-м годах мы с подружками из школы искусств носили одежду в стиле модов. А Сильвин прямо была одержима тем, чтобы найти парня-мода, чтобы он подходил к ее образу! И в итоге она такого нашла, помню, его звали Роб, и она вышла за него замуж. Надеюсь, они до сих пор вместе, потому что, когда они познакомились, она считала, что он идеален. У него была какая надо прическа, да и все как надо.

Когда мы учились в школе искусств, раз в неделю нас водили в музеи в Южный Кенсингтон рисовать с натуры. Я читала историю о «Кон-Тики»⁷ и горела желанием узнать об инках, но даже после посещения Британского музея я так и не начала ценить красоту. Правда, когда я увидела гипсовую модель большого голубого кита и экспонаты, посвященные эволюции лошади, мое воображение всколыхнулось, хотя такое, наверное, случается с каждым. В Британском музее выставлялись древние украшения из чистого золота, исчезнувшие во времени вместе с ярким древним солнцем, которое светило людям, способным, как и мы, создавать гениальные вещи, но мыслившим совершенно по-другому. Заглянув в книжный

⁷ «Кон-Тики» – название плота, на котором в 1947 году Тур Хейердал с пятью спутниками совершил путешествие по маршруту миграции предполагаемых предков полинезийцев из Южной Америки.

магазин напротив Британского музея, я испытала потрясение: оказывается, антропологии можно учиться, да еще и в университете, а раньше мне и в голову не приходило, что такая интересная дисциплина существует.

Вивьен со своей подругой Энн во время отдыха на острове Джерси

Так что на самом деле благодаря Харроу я кое-чему научилась, а учебу бросила по недомыслию – ужасная глупость, она доказывает, какой я тогда была дурочкой. Но тогда я думала: «Как же заработать на жизнь, если ты художник?» Про себя я знала, что умела мастерить всякие вещи. Но дело было не в этом. В голове у меня засело, что заработать с таким образованием можно только продавая картины. Во мне слишком сильны были представления рабочего класса, в том числе и этот стереотип. И как-то летом 1958 года я увидела в метро объявление о курсах стенографии по системе Питмана. И я подумала: «Вот. Вот как можно заработать, не в пример художествам» – и решила, что лучше я заработаю денег. А чтобы попасть на курсы, я пошла работать на завод «Кодак» в Харроу, потому что на сами курсы тоже надо было накопить. Так что я работала на заводе. Целый год.

Вскоре я осознала, что секретаршей быть совсем не хочу! Я долго думала об этом и решила – а мне тогда было девятнадцать, – что пойду учиться в педагогический колледж на факультет изобразительного искусства и тогда, пожалуй, сумею понять, получится ли у меня зарабатывать искусством, а если нет, то в любом случае я смогу устроиться учителем в школе.

Я подала заявление в колледж, и меня приняли. Моей специализацией было изобразительное искусство – двухгодичный курс, – причем я изучала разные его виды и могла бы, если бы захотела, преподавать его. Тем не менее я согласилась на первую же работу (и это демонстрирует, что я не очень-то хорошо понимала, что к чему) и пошла учить рисованию детей в подготовительной школе – пяти-, шести-, семилетних. Школа находилась в Харлсдене. Меня там звали «мисс Суайр». Учить детей было очень легко: они хорошие и любят школу, им разрешают играть, а еще можно вести творческие занятия в маленьких

группах и придумывать много всего интересного, при этом особо не испытывая проблем с дисциплиной.

В первый год работы я испытывала определенное давление, потому что мне назначили куратора, чтобы он разобрался, смогу я работать учителем или нет. Меня взяли на испытательный срок. У инспектора всегда были вопросы к моему внешнему виду: «Мисс Суайр, у вас виднеется нижняя юбка», «Мисс Суайр, у вас не слишком короткое платье?». (Оно и правда было коротковато: я сшила его из обивочной ткани, и после стирки оно село. Так что приходилось его одергивать. И это в начале 60-х!)

В подобных ситуациях я всегда боялась, что подведу людей, не сумею стать хорошим учителем. Зато я правда любила детей. Я просто их любила, этих малышей. До того, как родился Бен, я учила только маленьких детей, а позже, когда у меня уже были Бен и Джо, я вернулась в школу и преподавала старшеклассникам в больших классах. Как замещающий учитель. Иногда у меня было сразу два класса – 80 человек, представляешь?! Я хотела привить ученикам тягу к знаниям, заинтересовав их как личность, и не особо настаивала на соблюдении дисциплины. Выбор этот был непростым, но правильным. То есть если у тебя большой класс – 40 учеников, нужно управлять ими при помощи поощрения и дисциплины, чтобы они себя хорошо вели, но как-то получилось, что я этого не делала, когда вела занятия у малышей. Так что, когда я стала вести уроки у старшеклассников, правильный учитель из меня не вышел! Правда, я ведь только два года проработала в школе, причем это была моя первая работа. Мне она очень нравилась, и я знала, что у меня хорошо получается учить детей.

В тот же период со мной произошло еще одно очень важное событие. Когда я, одевшись модно и стильно, приехала в педагогический колледж на первый же торжественный ужин, да еще и, по обыкновению, опоздала, то внесла смуту в женский коллектив этого христианского заведения. Я сделала начес и надела костюм в стиле модов, который сшила сама. Осмотревшись, я села рядом со Сьюзен, самой яркой и красивой девушкой из всех. Столько лет я проработала в индустрии моды, но Сьюзен до сих пор кажется мне самой красивой девушкой, которую я когда-либо видела. У нее были полные губы, милое заостренное личико, миндалевидные карие глаза и орлиный нос. В ней чувствовались благородство и самоирония. Она казалась мне восхитительной, и мы тут же подружились. Сьюзен была свойственна манерность: когда она что-то говорила – а она была очень остроумной, – то наклоняла голову набок, принимала красивую позу и курила. Так она даже однажды спалила себе ресницы, но, что характерно, превратила и это в шутку и опять приняла изящную позу! Она знала, какие книги стоит прочитать, знала кое-что о театре. Мы были неразлучны. Пока я не встретила Дерека. С ней и потом с Дерексом моя жизнь снова стала похожа на ту, что я вела в Манчестере, получая удовольствие. Танцы вновь вошли в мою жизнь, как и одежда в рок-н-рольном стиле».

Юность и начало взрослой жизни Вивьен прошли в окрестностях Манчестера, а потом в пригороде Лондона. В то время в британской культуре, моде и сфере развлечений происходили серьезные изменения. Рок-н-ролл пересек Атлантику и с радостью был принят британцами, плененными американской культурой: так родителей Вивьен в свое время захватили голливудские фильмы и перипетии Второй мировой войны. В музыкальном отношении рок-н-ролл пришел сразу после американской музыки и культуры военного времени, и он давал надежду на обретение свободы переживавшей тяжелые времена Британии. Согласно опросу 1948 года, 60 % британцев хотели бы эмигрировать. Множество людей и правда уезжали из страны, причем зачастую в Америку, и даже Дора с Гордоном об этом подумывали, но оставили эту идею. Америка, Северная и Южная, платила за людей музыкой. Конечно, в Великобритании 1954–1959 годов мало выпускалось записей, способных конкурировать с полными

неистовой энергии американскими композициями, в которых звучал афроамериканский бит. Появление песни «Be-Bop-a-Lula», популярной в годы юности Вивьен, странным образом совпало с шумихой вокруг коронации и новым стремлением народа смотреть одновременно и в прошлое, и в будущее. Вивьен, любительница потанцевать и пококетничать, была по натуре позитивисткой, так что с готовностью приняла рок-н-ролл и пришедшую с ним эстетику средневропейской моды. Она шила открытые летние коротенькие топы в клеточку, носила носки с отворотами и очень высоко завязывала хвост. Конечно, эта эра дала имя целому периоду жизни – подростковому, и это отчасти означало, что появился новый потребитель, что послевоенное поколение Вивьен придумывало свои правила, создавая собственную культуру, танцуя и занимаясь сексом под совершенно новый бит.

Как и многие представители своего поколения, Вивьен скажет вам, что в то время музыка была на высоте, и потом это уже не повторилось. Но в те годы рок-н-ролл был намного более провокационным стилем музыки, чем кажется сейчас – или казалось тогда американцам. Причем это касалось не только песен, но и моды. На BBC рок-н-ролл не ставили вплоть до середины 1960-х. Приходилось настраиваться на американскую Сеть телерадиовещания вооруженных сил – в годы действия «Плана Маршалла» она вещала на всю Европу – или «Радио Люксембург». Так что в Великобритании американская музыка с присущей ей энергетикой, личной и сексуальной свободой превратилась в подпольное теноровое пение. И это тоже оказало влияние на жизнь Вивьен, отчасти потому, что практически все, что она создавала впоследствии, было проникнуто рок-н-роллом: сначала, когда она работала с Малкольмом Маклареном («Vive le Rock» – «Да здравствует рок») на волне возрождения рок-н-ролла в 1970-х, а затем и самостоятельно. А еще рок-н-ролл повлиял на жизнь Вивьен потому, что в 1950-х годах он стал не только культовым стилем музыки, но и культовым стилем одежды, а для подростков вроде Вивьен и едва ли не единственным способом воздать должное этому музыкальному направлению.

«Я не была бунтаркой, но в те времена быть подростком было здорово: рок-н-ролльный образ сам по себе олицетворял мятеж молодости против возраста. Все это, уже позже, понравилось Малкольму. Во мне была определенная доля озорства, и в этом отношении рок-н-ролл мне очень подходил».

В отличие от американских рок-н-ролльщиков английские поклонники этого стиля выглядели совершенно определенным образом. Парни чуть ли не молились на свои замшевые туфли, приглаживали длинные волосы, носили одежду нового силуэта и по-новому относились к девушкам. Британцы впитывали новую рок-н-рольную молодежную культуру, очевидно чужеродную, наряжаясь, одеваясь, покупая и делая своими руками вещи, превращая их в некий «образ». Музыкальный магазин или танцплощадка не были для них храмом завораживающего рок-н-ролла, им стали бутики.

Подростковые годы Вивьен совпали с одним из наиболее удачных моментов этого периода – концом 50-х годов, когда произошла сексуальная эмансипация, а главное, появились радикально новый стиль музыки и наряды. Вместе с тем у рок-н-ролла как танца и стиля одежды сразу после войны появился соперник – неоздвардианский стиль, который позже стали называть «Тедом» (уменьшительным от имени Эдвард). В нем чувствовался дендизм эдвардианской эпохи, поклонники этого стиля использовали драпирующиеся американские ткани, которые импортировал и Сесил Джи, а их длинные, прямого кроя куртки напоминали и американские костюмы-зут, и эдвардианские пальто. «Позже тедди-бои (олицетворявшие рабочий класс) стали ассоциироваться с подростковыми насилием (на английских морских курортах во время массовых праздников происходили серьезные потасовки). Тогда-то и зародилась идея, что мода может угрожать обществу», – замечает историк костюма Колин Вудхед. В истории моды настал знаковый момент, и Вивьен его не упустила. На ее раннее творчество повлияли сразу оба культовых направления молодежной моды. И костюмы

в стиле тедди-боев, которые Вивьен позже шила для Малкольма Макларена, и футболки с джинсами, ставшие основой ее коллекции «Да здравствует рок», вышли из модной в ее юношеские годы послевоенной одежды и превратились в 70-х годах в одежду городских партизан. В годы популярности рок-н-ролла в Великобритании большую роль играл стиль тедди-боев – так одевался Гордон, брат Вивьен, так одевались ее парни. В то же время в годы популярности рок-н-ролла футболки, джинсы и кожаная одежда, как у Марлона Брандо, Джеймса Дина и Элвиса Пресли, являлись обязательной формой одежды бунтарской молодежи в Америке. Так и появился английский рок-н-рольный образ, и он тоже родом из Второй мировой войны. Так вот, эти два стиля одежды стали первыми составляющими «образа от Вивьен Вествуд», эта одежда впервые появилась в магазинчике на Кингз-Роуд. Как и многое в жизни Вивьен, вещи того периода были сшиты своими руками.

Иконография рок-н-ролла навсегда повлияла на Вивьен

«Как и все девочки моего возраста, я не хотела носить школьные сарафаны в складку и покупала вместо них юбки. Я всегда была склонна впадать в крайности, любила произвести впечатление. Когда мне было 15, мы с семьей моей подруги Нормы поехали в Батлинс на остров Уайт. Мне там все безумно понравилось: и бальная зала, и как мы пили виски, и модные там палантины, и как морской бриз раздувал пышные нижние юбки. А еще там в моде были большие пластиковые серьги в виде маргариток, и я сделала себе пару таких огромнейших сережек из живых гигантских маргариток. И когда я вошла в танцевальный зал, лидер музыкальной группы даже прервал исполнение и сказал: «Вы только посмотрите на ту удивительную девушку с большими сережками».

Иэн Дьюри, с которым годы спустя дружила Вивьен, как-то рассказывал о своей молодости, также пришедшейся на 50-е годы, причем он тоже жил в предместье: «Мы носили брюки из грубой шерсти с 12-дюймовыми отворотами, сшитые на ручной машинке «Зингер» моей матери, и рубашки в черно-желтую клетку». Так зарождался новый городской дендизм, так появилась «мода как вызов обществу», при этом, как забавно бы это ни прозвучало для современного уха, зачастую такую одежду шили в гостиных мамы и подружки молодых людей с окраин. Рок-н-ролл и стиль тедди-боев, да и сама Вивьен придали слогану «Сделай сам» неожиданно радикальный смысл, связь с историческим периодом (эдвардианской эпохой) и подарили ощутимое очарование Америки без классового деления и байкерства. И еще то время подарило моде и торговле новое жанровое клише. Свобода творчества, музыка, мода и самосознание существовали независимо друг от друга, составив так называемый первый этап тинейджерства, но при этом из них получилась единая коммерческая модель. Может, Вивьен и была одним из тинейджеров первого поколения. Зато для продавцов, торговали ли они одеждой, музыкальными пластинками или политической идеологией, мы все теперь тинейджеры.

Малкольм говорил (и Вивьен до сих пор с ним согласна): «Просто посмотри, во что одевались люди, например Джек Керуак, после того как ушел из армии, из морской пехоты, и отправился в путь: на нем была белая футболка, джинсы и кожаная куртка. И когда в Голливуде искали бунтарский образ, который пошел бы звездам наподобие Джеймса Дина или Брандо, они остановились на этой одежде. И дети в Англии, видя эти вещи на большом экране, тоже хотели такие».

Где-то между 1956-м, когда была популярна песня «Rock Around the Clock» и бесчинствовали банды тедди-боев, разграбившие Орпингтонскую ратушу, и 1959 годом, когда был зарезан уроженец Антигуа, плотник Келсо Кокрейн, вследствие чего в Ноттинг-Хилле начались волнения, стиль тедди-боев начал ассоциироваться с угрозой, насилием и расизмом. Итак, место моды в мире кардинально изменилось, и с ее помощью молодежь стала выражать (и еще не раз будет выражать в конце XX века, причем не без участия Вивьен) свое недовольство и заявлять о своих увлечениях, вызывающих отторжение у старшего поколения. Стиль тедди-боев, судьбу которого потом повторил стиль панк, пользовался скандальной известностью, и она не обошла стороной Вивьен. Несмотря на то что этот стиль выбрала для себя белая городская маргинальная молодежь, зарождался он на знаменитой улице портных – Сэвил-Роу. Когда одежда в стиле тедди-боев перестала выполнять свою первоначальную функцию, ее стала носить просто скучающая и озлобленная молодежь – те самые подростки, которые во время официальных праздников искали себе приключений. Так и появились предпосылки к закату этого стиля, поскольку одежду тедди-боев, что неудивительно, стали носить и просто расистски настроенные юнцы. По этой же траектории позже развивался и стиль панк, правда, стоит отметить, панки не уделяли такого внимания крою вещей, как тедди-бои. Первая волна популярности стиля тедди-боев достигла апогея в 1958 году, как раз когда Вивьен переехала в Лондон. На смену характерным для этого стиля замшевым туфлям – символу нонконформизма в те годы, когда обувь и определяла облик истинного джентльмена, – пришли ботинки с заостренными носами в итальянском стиле, такая мужская версия шпилек, гордо привезенных Вивьен из Манчестера. В конце 50-х – начале 60-х годов, когда Вивьен оказалась в Лондоне, все подростки в Великобритании носили такие же, как и она, туфли с острыми торчащими носами. Правда, к 1960 году с тедди-боями было покончено. Позже к их стилю возвращались (это делала и Вивьен) как к чему-то «нарочито архаичному», но само это молодежное движение было безнадежно опорощено убийством Келсо Кокрейна в 1959 году. Сегодня, чтобы увековечить это событие, представители разных национальностей проводят в Ноттинг-Хилле карнавал. Переехав в Лондон в 1958/59 году, Вивьен почувствовала себя несколько неуютно: музыка, мода, танцы – в столице все

было другим, все менялось под подошвами ее остроносых туфель. Рок-н-ролльный образ и стиль тедди-боев смешались в один, и по стечению обстоятельств это пришлось как раз на момент переезда Вивьен из Манчестера. В то же самое время музыка на короткий период отошла от рок-н-ролла, оставив его звучать на заднем плане и вернувшись к своим истокам – традиционному джазу.

Для девочек типа Вивьен принадлежать к определенной группе молодежи, увлекающейся такой-то музыкой и одевающейся в такую-то одежду, означало быть взрослыми. Навероятно важный момент в истории моды ознаменовался появлением юбки-карандаш, вызывавшей волнение и трепет, не говоря уж о бюстгальтерах конической формы: сексуальная зрелость коммерциализировалась и обрела наглядность, одежда и музыка стали проникать на рынок благодаря тому, что в культ возводилась пышущая сексуальностью молодость.

Вряд ли гипертрофированные образы вроде тедди-боев или любителей джаза модов – а среди них были даже протомогикане, именовавшиеся апачами за огромные набриолиненные коки, – могли существовать без музыки, под которую можно танцевать. И музыкой той был рок-н-ролл, знак совсем другого мира, бесконечно далекого от Сэвил-Роу, где одежду шили по индивидуальному заказу, и Хамфри Литтлтона – идеального воплощения неоздвардианского образа. Правда, Вивьен, страстная любительница музыки и моды, отмечает, что главной чертой того времени была созвучность одежды музыкальным стилям, часто дававшим ей название. В конце 1950-х годов в Великобритании вновь начал просыпаться интерес к традиционному джазу. После увлечения рок-н-роллом британцы стали душевно и музыкально восприимчивы к более ранним джазовым стилям, которые звучали во французских кинолентах «новой волны», а также в клубах Сохо и задних комнатах пабов в Харроу. Под стать этой музыке была одежда, которую носила Вивьен, как раз когда поступала в Школу искусств в 1958 году: она создавала нарочито нестрогий, квазиинтеллектуальный образ, в котором можно было бы появиться и на Левом берегу Сены, и в Гринвич-Виллидж, и в клубе «Ронни Скотт». («Должна сказать, что, хотя в «Ронни» играли только модерн-джаз, – признается Вивьен, – в конце концов он мне так же опостылел, как традиционный».) В моде были мешковатые брюки, безразмерные джемперы, дафлкоты, шарфы, ассоциировавшиеся с французскими экзистенциалистами и нью-йоркскими битниками, и юбки дирндль в сборку. С тех пор эти широкие юбки незаметно появлялись почти в каждой коллекции Вивьен Вествуд. Юбки дирндль она носила в 1959 году, в свою бытность поклонницей традиционного джаза, дополняя образ самодельными ожерельями из дынных семечек. «До этого я никогда и не видела дынь!» Подобный образ, мода пить сидр и слушать самый настоящий английский джаз в исполнении Джорджа Мелли и Хамфри Литтлтона стали британской интерпретацией негритянского джаза и соответствующей манеры одеваться. В эпохальном романе Колина Макиннуса «Абсолютные новички» описывается поклонница традиционного джаза, какой вполне могла быть Вивьен в 1960-м, «с длинными волосами и длинной челкой, в большом свободном свитере, иногда яркого цвета, никаких цветочных мотивов... ей хотелось выглядеть небрежно». Такой образ вытеснял стиль тедди-боев и американских рокеров и связывал завершение первой волны движения тедди-боев с выходом на сцену первых модов.

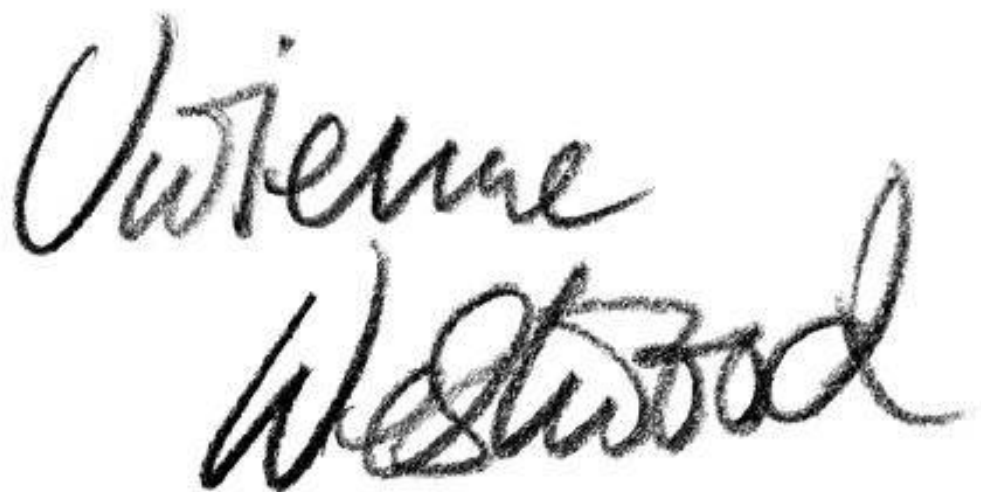
Но хотя манера традиционщиков одеваться помогала Вивьен адаптироваться к лондонской моде, век этого течения в истории моды и в жизни самой Вивьен был недолог. Ныне покойный друг Вивьен Томми Робертс однажды сказал: «Стиль традиционщиков устарел в один миг. И вся эта молодежь, скачущая вокруг в академических шарфах... Традиционщики и правда были немного безвкусны».

Вивьен признает: «Мое увлечение стилем традиционщиков быстро-быстро прошло. Я одевалась так же, как Сильвин, меня вдохновлял ее образ, а еще мне нравились пышные юбки. Вот моя фотография из Джерси, я ездила туда к Дереку, как-то летом он подрабатывал там барменом. Я недолго так одевалась. Традиционщики были выходцами из среднего класса

и претендовали на тонкий художественный вкус, а мне все же ближе были тедди-бои, а позже и моды – правда, к тому времени я уже стала мамой».

И все-таки эти образы были чем-то новым: они отражали невиданную прежде синхронность в развитии моды и музыки. Как и в случае с породившей их британской рок-н-ролльной культурой в целом, в рамках этих молодежных течений одежда играла весьма значительную роль.

В подростковые годы Вивьен успела пережить и лично прочувствовать смену четырех взаимосвязанных течений в моде и музыке, не теряющих своего влияния и сегодня: рок-н-ролльщиков, тедди-боев, первых модов и традиционщиков. Но к 1962 году ее жизнь радикально изменилась: она вышла замуж и стала матерью и, пожалуй, совсем бы ушла из мира моды, не познакомься она с одевавшимся как тедди-бой студентом Лондонской школы искусств Малкольмом Эдвардсом Маклареном.

A large, stylized handwritten signature in black ink. The first line reads 'Vivienne' and the second line reads 'Westwood'. The script is fluid and cursive, with long, sweeping strokes.

Свадебное платье миссис Вествуд

Мне очень понравилась одежда модников из рабочего класса. Модов. В университет поступать я не хотела. Мне казалось, что мальчики-студенты – рафинированные изнеженные интеллектуалы. Они ходят с зонтами, а после занятий едят ананасы и пьют херес с любовницами-француженками. Да и в сексуальном плане они меня не привлекали. Не знаю почему. Мне больше нравились работяги на стройках.

Вивьен Вествуд

«Не хочу слишком много рассказывать о Дереке», – признается Вивьен.

Но потом, конечно, рассказывает. «Понимаешь, просто мне кажется, что я не очень-то хорошо обошлась с Дерекем. В конце концов мы просто отделились друг от друга, и все... Но начнем с того, что было... Ладно, было вот как...»

Вивьен сидит за раскройным столом, на ней очки с толстыми стеклами, она то и дело тербит листочек бумаги, набросок какой-то аппликации, которая однажды украсит один из парижских показов, и фотографию с недавней свадьбы их с Дерекем сына Бена Вествуда, прошедшей в Японии. Бен, ироничный, грациозный мужчина пятидесяти лет, то и дело заходит в студию, где мы разговариваем; ему можно было бы дать лет тридцать, не поседей его длинные волосы слишком рано. Томака, красивая японка, постоянно рядом с ним, так что сразу видно, что они молодожены. Она постепенно привыкает к жизни в Англии и к статусу новой миссис Вествуд (младшей).

Долгие годы Вивьен не хотела почти ничего рассказывать о своем первом браке. Вероятно, из чувства преданности Бену и Дереку тоже, к которому сохранила искреннюю привязанность и уважение, ну и потому, что не хотела привлекать к ним внимание публики, которого они явно не жаждали. Тем не менее Вивьен сохранила фамилию Дерекы и даже прославила ее, – правда, Дерек, пилот гражданской авиации на пенсии, публично признался, что не всегда был этому рад. Их брак был одним из тех, которые сегодня, пожалуй, просто бы не состоялись. Все вокруг были уверены, что они поженятся, да и потом, в те годы, как говорит Вивьен, «экспериментировать не позволялось», так что свадьба их была неизбежна и почти неизбежно предвещала семейную драму.

«Знаешь, в 1961 году, когда ты с кем-то встречался, тебя отчитывали, если поздно приходишь, и мама всегда спрашивала: «Чем ты там занималась?» – и тебя осуждали. Ну и вроде как тебя выдавали замуж. Так было и у нас. Думаю, Дерек не будет против, что я так сказала. По-моему, я и года не прожила в Лондоне, когда мы познакомились. Так что мне было лет восемнадцать или девятнадцать. Мы оба были так молоды! Гуляли с друзьями большой толпой. Развлекались все вместе. Кстати, тогда даже не было законов, запрещавших садиться за руль после выпивки. Мы заходили в паб в Элстри и там встречали одних и тех же людей, попозже тоже появлялись знакомые люди, а еще мы тем же составом ходили на танцы. Мы иногда договаривались пойти в бар в Харроу и Кингсбери, или в «Ронни Скотт», или в какой-нибудь паб в городе, но чаще всего мы отправлялись в танцевальный зал «Ритц» в Куинсбери.

Раньше я больше всего на свете любила танцевать, так что много времени проводила на танцах, в окружении красиво одетых людей. Они были мне друзьями. Меня привлекали люди такого толка – тусовщики, любители потанцевать. Так что все годы, что я проходила педагогическое обучение, мы с толпой друзей регулярно вместе ходили на танцы, устраивали вечеринки, встречались, поджидая друг друга за домом, и все это на некоторое время стало для меня центром вселенной. Жизнь вращалась вокруг развлечений: как нарядиться и

куда пойти. Иногда мы всей толпой ездили подальше, куда-нибудь в район Мидлсекса, или, например, в Айлсбери, или еще куда-нибудь и просто сидели там в пабе. Вот какой была моя «светская» жизнь: поездки на машине, посещение пабов и танцев, но не было ни одного человека – хотя, думаю, в тот период жизни и не могло быть, – с которым можно было бы хоть немного серьезно поговорить. Просто не с кем. Разве только со Сьюзен. Этому я была рада, но под влиянием Сьюзен я менялась...

Март 1963, Хиллингдон-Лодж; Вивьен, которой 21 год, с Гордоном и Дорой

И вот как-то вечером в октябре я отправилась на танцы одна. Сперва со мной никто не хотел танцевать. А потом меня пригласил Дерек. Мы понравились друг другу, а я подумала, что он очень привлекательный. Такой он и был. И есть. Он очень, очень приятный человек. Фантастический человек. Он был очень мил, добродушен и дружелюбен, а еще смешил меня, был славным, ну не знаю, он просто мне понравился. Но и я ему понравилась, и это, пожалуй, на первых порах даже больше для меня значило! А еще он очень хорошо танцевал. Мы просто танцевали. Я сама даже не очень знаю, как все это получилось».

Вивьен познакомилась с Дерексом Вествудом в конце 1961 года. Как и мать, она познакомилась с будущим мужем на танцах, и, как мать, ее в нем привлекли умение танцевать, атлетическое сложение и житейская мудрость. Дерек был на два года старше Вивьен, родился он в южной части страны. Его семья жила в Бельведер-Вэй в Кентоне, а Дерек в то время был подмастерьем на знаменитом заводе по производству пылесосов «Hoover» на западе Лондона. Правда, он мечтал выучиться на летчика, и мечта его была на пути к осуществлению. Так что планы Дерекса простирались далеко за пределы северо-западного Лондона, на территорию американского государства. В этом они с Вивьен Суайр были похожи, а еще они любили одинаковую музыку и танцы. Дерек одевался как мод и слушал «Modern Jazz Quartet».

«Когда мы с Дерексом познакомились, он был подмастерьем у слесаря-инструментальщика, но ему хотелось быть летчиком. Чтобы оплачивать обучение, он подрабатывал вечерами, объявляя танцы. Он также был ведущим на играх в бинго, а еще на концертах в заведениях типа танцевального зала «Гленлин» в Форест-Хилле и кинотеатра «Доминион» в Харроу. Дерек вместе со своими друзьями с завода, Бобом Дрюсом и Бэрри Фанеем, ставили пластинки «The Rolling Stones» и «The Ronettes», а потом даже и «The Who»...

«Помню, Дерек очень хорошо одевался, носил мохеровые костюмы, – вспоминает брат Вивьен Гордон. – Он заходил за Вивьен, и они оба выглядели великолепно. Очень стильно. Так что я преклонялся перед Дерексом как перед героем и всегда так же относился к Вивьен. Они руководили поп-группами. Дерек работал на компанию «Commercial Entertainments», управлял танцевальными залами. А еще они руководили группой «The Who», причем задолго до того, как она стала так называться. Сперва их группа называлась «The Detours», потом «The High Numbers», а потом кто-то гениально придумал – и я всегда считал, что это была Вивьен, но, оказывается, это был Родни, брат Дерекса, – придумал название «The Who», и их менеджерами были Дерек Вествуд и Вивьен Вествуд (которой она стала), и зарабатывали они на группе прямо тут же, на месте!.. В то время мы все любили одеваться. Сначала были тедди-боями, потом модами. А «The Who» была нашей группой. Правда, они обязаны были выступать в танцевальных залах, и, мне кажется, за вечернее выступление тогда платили около 30–40 фунтов, а Дерек сдавал их в аренду фунтов за 150, ну, когда они уже стали популярными. Так что они с Вивьен зарабатывали довольно прилично!»

«Лучше всего я помню, – продолжает Вивьен, – что Дерек очень сердился на меня, потому что я никогда, вообще никогда не приходила вовремя. Очень сильно опаздывала. И все это из-за нарядов. Уверяю тебя, я никогда нигде не платила за входные билеты – даже если ходила без Дерекса. Я выглядела великолепно. Вот, допустим, мы с Дерексом должны были встретиться в Куинсбери, а я приходила минут за 15 до закрытия, потому что заканчивала свой наряд! А он чувствовал себя униженным перед своими друзьями из-за того, что я, его девушка, никогда не появлялась вовремя, что-то там мастерила.

И вот что еще важно: с Дерексом, как потом с Малкольмом, было очень весело. Я любила ходить с ним в один паб, где он пел. Он забирался на сцену и пел всякие старинные песенки на кокни, типа: «Вот беда! / Старушка в туалете заперта!..». И мы все ему подпевали. Я просто обожала такие дурачества. А потом мы просто решили пожениться.

Слева направо: брат Дерека Мартин, Дерек Вествуд и Вивьен. Лето 1962

Вот как все происходило. Когда я впервые приехала в Лондон, я была подростком, и увлечения у меня были соответствующие, и я хотела найти работу и что-нибудь мастерить. Потом мне исполнилось 18, я поступила в педагогический колледж, проучилась там два года и в это же время познакомилась с Дерексом. А до этого в художественную школу пошла, потому что хотела заниматься искусством и, возможно, стать художником. Правда, вскоре я осознала, что желаю большего. А потом познакомилась со Сьюзен. Она и вправду была моей лучшей подругой. Она была идеальной подругой, прекрасно выглядела. Чтобы привлечь мое внимание, нужно выглядеть по-особенному! Ну, не знаю. Нас всегда привлекают люди, которые действительно хорошо выглядят. Разве нет? Я считала, что Сьюзен очаровательна. Мы очень крепко подружились. И она что-то всколыхнула в моем сознании и сердце. Я ее очень любила. Все была готова для нее сделать. Считала ее замечательной. Понимаешь, такие чувства у нас появляются благодаря книгам, которые мы читаем. Я читала всякие книжки про девочек в пансионах, про их друзей, их проделки, и мне тоже хотелось иметь закадычную подругу. Я была юной, и меня больше интересовали люди не противоположного, а моего пола: у детей всегда так. Правда, и мальчики мне тоже всегда нравились. Думаю, если бы у меня была более крепкая дружба с какой-нибудь девочкой, все было бы хорошо. Мне дей-

ствительно нужно было с кем-нибудь подружиться. Но я познакомилась с Дерекком. Например, мне ужасно хотелось, чтобы Дерек сводил меня в театр: я ни разу в жизни туда не ходила. И он взял билеты на комедию «Боинг-Боинг». Мне было жутко скучно, и я подумала: «Если вот это – театр, ну его!» А потом Сьюзен взяла меня на «Человека на все времена» с Полом Скофилдом и еще на «Суровое испытание» по Артуру Миллеру – я была потрясена. Ошеломлена. Так что, видишь, Сьюзен всегда заставляла меня думать. Отношения с ней меня стимулировали. Она вышла из другого общественного класса, ее интересовал театр и все такое, у нее был приятный молодой человек, который тоже мог многое рассказать. Сьюзен была человеком думающим, моим первым другом-интеллектуалом. И парень ее тоже был человеком мыслящим, и пиццы для раздумий он дал мне даже больше, чем она. Например, водил нас на литературные чтения поэтов-битников в Королевском Альберт-Холле: Аллена Гинзберга, Лоуренса Ферлингетти – а это как раз то, чего мне так не хватало. В нашей компании все только и говорили: «Это Дерек и Вивьен, они собираются пожениться». А я-то уже знала, что меняюсь, и отчасти под влиянием Сьюзен.

Вот как бы я это сформулировала, Иэн. Я скажу только вот что, а все остальное ты поймешь сам: мой выбор всегда был на стороне интеллектуальности. А тот выбор был иным, и ничего в итоге не получилось. Мы с Дерекком познакомились, потому что оба интересовались культурой тедди-боев и модов и тому подобным, и нам нравилось быть частью толпы. Наша жизнь была очень интересной. Но тогда мы были подростками. И увлекались тем, чем и должны увлекаться подростки. Но я глубоко уважаю Дерекка: он очень, очень хороший человек. И еще: мне до сих пор не верится, что он стал пилотом, я так им восхищаюсь. Но хотя я и была связана помолвкой с Дерекком, в конечном итоге я понимала, что хотела разорвать наши отношения, чтобы познать что-то другое. Но почему-то сексуальная жизнь, по крайней мере в те времена, непременно предполагала женитьбу. А я постепенно разлюбила Дерекка. Сейчас это кажется таким очевидным, но тогда главную роль сыграло отношение моей матери к сексу. И ко мне. Раньше на девочек серьезно давило обязательство быть порядочной. Сохранять девственность. Ну и все в таком духе. Никаких нежелательных беременностей – и прочее, и прочее... Когда я познакомилась с Дерекком, я была девственницей. Более того, на каком-то этапе я осознала, что, будь я постарше... Ну, думаю, ты понимаешь, о чем я. В нынешние времена можно было бы просто с кем-то жить. А тогда – нет, и, наверно, я просто боялась ранить Дерекка, Дела, как все его называли. Мне интереснее было с подружкой, со Сьюзен, потому что она была интеллектуалкой, и я ее просто обожала. Скажем так: если бы мне пришлось жить на необитаемом острове, я бы отправилась туда с ней.

Не хочу об этом особо распространяться, потому что речь идет о конкретных людях, а еще потому, что я довольно скрытный человек, хотя окружающие думают иначе, но нужно еще кое-что тебе рассказать обо мне и о тех временах. Касательно парней и мужчин. Пока я не вышла за Дерекка, я всегда больше была привязана к моим подругам, чем к парням, с которыми встречалась. Оглядываясь назад, я понимаю, чего мне тогда хотелось: найти родственную душу в женщине. Чтобы была мне близка и дополняла меня. В итоге когда я поступила в колледж, то встретила Сьюзен. Весь мой внутренний мир был связан с ней. Люди склонны все превратно понимать. На самом деле именно с ней я чувствовала себя живой, чувствовала, что меня понимают. И вот учеба закончилась, и Сьюзен нашла работу в Канаде. Вот и все. Уверена, моя мама была в курсе, и, если бы она только подтолкнула меня на это приключение – поехать учить детей в Канаду, – я бы, наверно, пулей полетела туда. Я бы уехала, не задев ничьих чувств. Если бы мама обсудила со мной эту ситуацию побольше, если бы догадалась сказать: «Почему бы тебе не поработать годик в Канаде вместе со Сьюзен, а потом вернуться и уж тогда подумать о своих чувствах к Дерекку?» Вот это был бы идеальный расклад, и все тогда переживали бы гораздо меньше. Правда, тогда у меня не родился бы Бен».

Несмотря на все эти переживания, Вивьен, которой только исполнился 21 год, стала обдумывать скромную свадьбу и свое платье. Дерека устроила бы простая гражданская церемония, но Вивьен и Дора настояли на том, чтобы свадьба прошла в церкви. И вот 21 июля 1962 года в церкви Святого Иоанна Крестителя в Гринхилле Вивьен Суайр сменила фамилию на Вествуд.

«И вот опять. Я снова опаздывала. Сама шила свадебный наряд. У меня не все получилось, платье даже не было дошито. Оно все было в булавках и толком не доделано. В церковь я успела вовремя. Уф! Едва успела».

Не стоит этого говорить, но когда еще представится случай? Я тогда считала – как, пожалуй, и все прочие, – что «мужчина моей жизни» должен быть «единственным», ну и что никогда в жизни никого другого, кроме этого человека, мне не будет нужно. Так что если все-таки нужен кто-то другой или нужно что-то еще – а я понимала, что это мой случай, – это означает, что все не так. Уже тогда я понимала, отчасти благодаря Сьюзен, что мне нужен тот, кто будет дополнять меня интеллектуально, будет разделять мои взгляды. В общем, в то время я много размышляла и, похоже, изменилась. Но не думай, что мы с Дерекком были несчастливы. Мы были счастливы. Я была очень счастлива, и какое-то время у нас все было хорошо. Я очень быстро забеременела. Когда вынашиваешь ребенка, ты много думаешь, да и потом, когда растишь его, хотя и ужасно устаешь. Да, я менялась. Постоянно происходило что-то важное: я стала учителем, потом вышла за Дерекка, потом родила Бена. А еще я утратила веру в Бога. Мне тогда был всего 21 год. В то время мой брат Гордон встречался с очень милой американкой по имени Лесли, она иногда приходила ко мне и помогала. Шел 1962 год, и она была решительно против войны во Вьетнаме. Мы общались недолго, но ей удалось разрушить мою политическую наивность, а когда она узнала, что я верующая христианка, то вынудила меня отстаивать свою веру, а я не смогла. Я уже и так перестала верить в некоторые догмы, а когда призналась себе в том, что вся моя вера держится исключительно на эмоциональной привязанности к идее, сформировавшейся в моей детской голове, к взятым на себя перед распятием обязательствам, вера моя рассыпалась как карточный домик. Наивная девчонка начала пробуждаться ото сна. Я не знала, во что верю, я только хотела читать, читать и читать – и найти ответ.

Лесли серьезно на меня повлияла. Гордон познакомился с ней на Ибице, где тусовались хиппи, и мы с ней ходили в театр в Лондоне и даже однажды ездили автостопом в Девон и всю дорогу разговаривали про Вьетнам. А еще мы говорили о монархии, о религии, о политике, и она всегда давала мне повод подумать. Когда звучал национальный гимн, она никогда не вставала. Благодаря ей я изменилась. И тогда в голове возник вопрос: если ты выходишь замуж молодой, а потом твои интересы меняются, нормально ли и правильно ли разойтись?»

В 1963 году, если ты была молодой матерью и хотела разойтись с мужем, это казалось возмутительным. Многие близкие люди – родители Вивьен, ее брат и сестра, Сьюзен и приятели по танцам – были глубоко потрясены, когда всего лишь через несколько месяцев после рождения Бена Вивьен объявила, что расстается с Дерекком. Некоторые сказали, что у нее послеродовая депрессия или что она приняла это решение, потому что теперь они с Дерекком занимались разными делами, а у нее к тому же был маленький ребенок. Но Вивьен была тверда. В ней проснулась жажда новых интеллектуальных и культурных открытий и зародилась надежда встретить тех – или того, – с кем она отправится в новый увлекательный путь.

Вивьен и ее маленький сын Бен

Слева направо: Ольга, Дора, Вивьен (с Беном на коленях), Гордон-младший и Гордон-старший, 1964

«Я делала первые шаги к политизации. Конечно, это случилось под влиянием моего детства, идеалов и жизненного опыта. В этом мы с Дерекем и стали различаться. Дерек стре-

мился в буквальном смысле к небесам. В то время он увлекался планеризмом. Помню один из самых счастливых моментов нашей жизни: он летел над высокогорьем Данстейбл-Даунс. Зрелище завораживало. Дерек поражал и восхищал меня. Он был очень общительным. Когда он наконец стал пилотом, знаешь, что ему больше всего нравилось? Обращаться к пассажирам. Он прямо болел этим. А я заболела политикой. Наши пути просто разошлись».

Дерек подарил Вивьен свою фамилию и старшего сына Бена. Благодаря их браку и даже расставанию, за которое ее все порицали, Вивьен стала более решительной: покончила с прошлым, со всем тем, чего ожидали от молодой женщины в ту эпоху. Дерек познакомил Вивьен с миром профессиональной музыки и новыми лондонскими музыкальными группами, которые были тесно связаны с уже знакомой ей художественной средой. В Великобритании начала 1960-х годов сферы музыки, танцев и искусства были тесно переплетены. Так что недаром Лондон «свинговал». Западная молодежь самовыражалась, создавая обложки альбомов, моду и музыку (тогда еще не было компьютеров). Поп-музыка и панк, вышедшие из рок-н-ролла во второй половине XX века, могли появиться только из совокупности серьезных идей и под влиянием определенных событий, оставивших отпечаток на всей современной западной культуре. При этом они странным образом снова и снова напоминают нам о Лондоне конца 50-х – середины 60-х годов, о танцевальных клубах и школах искусств – о юности Вивьен и Дерек. Первые апологеты и поклонники популярной музыки конца XX века – начиная с британского рок-н-ролла, родившегося благодаря знаковому фильму «Школьные джунгли» («Blackboard Jungle», 1955) – картине, которую годы спустя Вивьен наконец посмотрела в квартире Кристин Килер по телевизору Джина Крелла, – и заканчивая панк-музыкой с ее анархистскими настроениями – вышли из художественных школ, появившихся во всех городках Великобритании в результате послевоенных реформ образования. Многие ведущие представители музыкальной индустрии поначалу изучали графический дизайн: в открывшихся школах искусств этот курс финансировался за счет Комиссии по изящным искусствам. Большинство учащихся были из рабочей среды, и реформы образования послевоенных лет пошли им на пользу: они стали первыми в своих семьях, кто смог получить высшее образование. Так случилось и с Питом Таунсендом из группы «The Who», менеджером которой какое-то время был Дерек Вествуд, а также с Чарли Уоттсом, Китом Ричардсом и художником Питером Блейком, не говоря уж об ученике Блейка Малкольме Макларене. А еще чуть позже из школ искусств вышли Джон Леннон, Эрик Клэптон, Рой Вуд из «The Move», Рэй Дэвис из «The Kinks» и Фредди Меркьюри из «Queen». Большинство из них, как и Вивьен, сначала окончили среднюю школу. У Вивьен и Малкольма, как и у Гордона и у всех, кто вращался среди студентов Харроу, интересы менялись от увлечения искусством к увлечению музыкой, от занятий графикой к маркетингу (как он назывался бы сейчас) и так или иначе превращались в бизнес, в котором соединились поп-иконография, мода, музыка и хэппенинги. Например, Найджел Уэймаус, владелец магазина «Granny Takes a Trip», впоследствии принадлежавшего Джину Креллу и оформленного Майклом Инглишем, одновременно был ведущим графическим дизайнером на поп-сцене и основателем – вместе с Инглишем – группы дизайнеров-музыкантов «Hapshash and the Coloured Coat», исполнявшей психоделическую музыку. Или в 1967 году обосновавшийся в Лондоне коллектив голландских дизайнеров «The Fool» создавал одежду для магазина «Apple» группы «The Beatles» и отвечал за его оформление. При этом на определенном этапе творчества «The Fool» тоже был музыкальным коллективом. Мода, музыка, искусство и графический дизайн обогащали друг друга. Например, Малкольм был менеджером «The Sex Pistols», а в итоге открыл магазин на Кингз-Роуд, 430; сама Вивьен писала песни для «The Sex Pistols»; арт-директор коллектива Сара Стокбридж занималась имиджем Сида Вишеса и параллельно придумывала рисунки для футболок.

По всей Великобритании, а больше всего в Лондоне, появлялись новые поп-музыканты, поп-художники, поп-дизайнеры, новая мода и новые магазины, создавая подходящую среду для того, чтобы молодежь чем-то страстно увлекалась и чтобы можно было продать ей что-то связанное с их увлечением. В этом не было никакого злого коммерческого умысла, никакого продуманного плана. Впрочем, Вивьен и Макларен потом говорили, что практически все, так или иначе связанное с модой на популярную музыку, рано или поздно начинало использоваться в коммерческих целях. Поколение Вивьен получило привилегии в образовании: доступными стали средние школы, молодежь получала стипендии в школах искусств, – так что такие, как она, дети из рабочих семей со свойственным им нонконформизмом и протестными настроениями сумели создать образ общества массового потребления. Вивьен, у которой еще в юности мистер Белл заметил способности графика, а сама она с гордостью заявляла, что из нее вышел бы отличный копирайтер, тоже была одной из первых среди художников-графиков новой волны. На послевоенное поколение обрушились небывалые объемы «беспрерывно привлекающей внимание» рекламы, и многих как раз и учили создавать рекламные изображения в этих новоиспеченных школах искусств. Британская поп-культура была связана со школами искусств не без причины, они в принципе не появились бы друг без друга. Молодежь демонстрировала на публике свои музыкальные предпочтения и была частью того или иного субкультурного «племени», и это не просто способствовало продаже пластинок и одежды, но внесло вклад в формирование нового языка – знака принадлежности к какой-то группе. «Лучшего времени, чтобы быть подростком, просто быть не могло, – говорила Вивьен. – Мы сами придумывали значение образа и создавали его». Или, как потом сказал Малкольм: «Мы искали свое «я». Поколение Вивьен, жившее в Лондоне, первым связало воедино графическое искусство, моду, музыку и самосознание. А дальше история была истинно английской и старой как мир: появились группы инсайдеров и аутсайдеров, которых определяли по одежде.

Щеголь-мод Дерек, муж Вивьен, отправился за своей мечтой, стал пилотом и покинул Лондон. Большую часть детства Бена Вествуда он провел в международном аэропорту Лутон и его окрестностях, а через несколько лет после отъезда снова женился. Дерек долго не оставлял попытки вновь сойтись с первой миссис Вествуд и всегда старался быть для Бена самым лучшим в мире отцом. Когда пара распалась, Дерек оставался искренне преданным бывшей жене, слава которой росла, и никогда не рассказывал ни об их недолгой совместной жизни, ни о причинах разрыва. Супруги официально развелись в 1966 году.

Get a
life
Art Covers Unite!

Юбка грязно-бирюзового цвета

Когда я познакомилась с Малкольмом и влюбилась в него, то решила, что он красивый. Я и сейчас так думаю. Мне до сих пор дороги наши прошлые отношения. Мир без Малкольма был бы как мир без Бразилии... Он был харизматичным, талантливым; он мне очень понравился. Он был сумасбродом, но мне все-таки захотелось познакомиться с ним поближе.

Вивьен Вествуд

Малкольм был как маленький мальчик, заблудившийся в лесу. В лесу темном и зловещем, с черными деревьями, представляющими собой силы, которые угнетают и сковывают нашу свободу. И Малкольм, понимая, что не может найти дорогу обратно, решает, что нужно осветить лес изнутри. И что он делает? Поджигает деревья.

Стюарт Макларен на похоронах брата в 2010 году

«Я могу открыто говорить об ушедших людях, даже о Малкольме, – признается Вивьен, глядя в сторону, на очертания Баттерси за окном. Я уже знаю: она всегда так задумывается, когда собирается говорить откровенно. – Теперь я могу рассказать кое-какие вещи, в которых никогда не призналась бы при его жизни. Ведь говорят: «Живые заслуживают уважения, а мертвые правды». При жизни Малкольма я бы его защищала. Но теперь не буду. Не то чтобы я любила выносить сор из избы, нет. Просто мертвые заслуживают правды.

У меня было очень-очень мало любовных связей. Очень-очень мало. Своих парней я могу пересчитать по пальцам. – Вивьен вскидывает руку, украшенную драгоценностями, но, прежде чем я успеваю спросить, имеет ли она в виду пять пальцев или все десять, она продолжает: – У меня их было немного. Мужчин. Я всегда была им верна. Да и больше одного мужчины мне никогда не было нужно. Пожалуй, Малкольм был моим первым мужчиной-интеллектуалом. До него таких у меня не было».

В истории Вивьен Вествуд непременно звучит имя Малкольма Макларена. Некоторые считают, что их союз изменил мир: стиль панк обрел завершенность, обрел свой неповторимый облик, самую известную музыкальную группу и философию отдельной субкультуры, если ее можно назвать философией. Благодаря отношениям с Малкольмом Вивьен познакомилась с «The Sex Pistols», а ее имя стало связано с празднованием серебряной годовщины правления королевы, с тем летом, когда была записана песня «Боже, храни королеву», а группа, выступив с ней, потерпела полнейшее фиаско. Кроме того, от Малкольма у Вивьен родился второй сын – Джо Корр. Он мне как-то сказал: «Как ни крути, мамину репутацию изначально создал панк-рок, потому что, попросту говоря, он стал революцией в культуре. Никто раньше ничего подобного не видел». Сегодня на панк-рок с его «пламенной яростью», с соответствующим образом и музыкой можно посмотреть с разных сторон. Мотивы панка снова и снова возникают в моде – от аллюзий на фетиш-атрибутику и «поношенных» тканей до надписей на футболках – и до сих пор перекликаются с каждой новой волной поп-музыки. Панк-рок на пике популярности просуществовал недолго и породил на удивление мало заметных личностей, а революция, которую он произвел, не следовала определенной идеологии и не принесла очевидных результатов. Кто-то, например исполнительный директор Вивьен Кристофер ди Пьетро, скажет вам, что панк изменил подход к ведению дел сегодня и даже политическое мышление, что именно он призывал покончить с ортодоксаль-

ными взглядами и ускорил этот процесс, а также способствовал возникновению творческого нонконформизма. Кто-то говорит, что благодаря панку изменилось отношение к нетрадиционной ориентации, у сотрудников офисов по пятницам отменили строгий дресс-код, а также в мире появилась индивидуальная мода. И хотя многие не могут точно сказать, какой же на самом деле вклад в западную культуру внес панк, кроме неразберихи, особенно с учетом того, как быстро он пошел по пути коммерциализации, все единодушно соглашаются, что вращался лондонский панк-рок вокруг невероятной парочки – Вивьен и Малкольма. Одной из целей этой книги было рассказать о том, какую важную роль они сыграли в формировании панка и его лондонского звучания; да и Вивьен еще в самом начале книги заявила, что отчасти ее замысел состоял в том, чтобы, насколько это возможно, расставить все точки над «i», рассказав, кто, что и когда создал. Задача эта даже для нее оказалась труднодостижимой, хотя она и находилась в самом центре событий. Переиначивая Толстого, скажем, что все удачные отношения похожи друг на друга. А в тех, где происходит разлад, как случилось у Вивьен и Малкольма, чьи творческие и личные пути разошлись, причем очень резко, порой сложно разобраться даже их непосредственным участникам, даже по горячим следам. С годами трактовка творческого и личного партнерства Вивьен и Малкольма, длившегося с конца 60-х до начала 80-х годов, все сильнее искажается. Причиной тому и горькие комментарии их сына, и мемуары панков и поп-звезд, и требование Малкольма не ставить имена Вивьен и Андреаса на вещах из их коллекции, в создании которой не участвовал, и попытки не дать Вивьен произнести прощальное слово на похоронах Малкольма в 2010 году. Разобраться в их отношениях так же непросто, как распороть самые замысловатые модели Вивьен. Хотя начались они довольно банально: в квартире над почтовым отделением в Руйслипе умный и непоседливый студент школы искусств познакомился со старшей сестрой своего лучшего друга...

«Сперва Малкольм был для меня другом Гордона, моего младшего брата. Шел 1965 год. Я зарабатывала тем, что делала украшения и продавала их на Портобелло-Роуд, а еще я снова жила с мамой. Так я и справлялась. Гордон постоянно приходил в нашу квартиру над маминым почтовым отделением вместе с Малкольмом. Когда тот появлялся, то часа два-три помогал мне. Мне очень нравились придуманные им украшения. Они были ультрасовременными. И я сразу подумала, что он замечательный. Так мы и познакомились: обычно он приходил, когда мама работала внизу – ей он никогда не нравился, – а еще, что казалось мне удивительным, иногда он приходил, когда брат был на занятиях. Или они с Гордоном просто зависали в квартире и болтали, пока я делала украшения или занималась с маленьким Беном. Так постепенно я узнала Малкольма получше...»

Малкольм Роберт Эндрю Макларен родился в 1946 году и рос в Стоук-Ньюингтоне и Хайбери, где рядом, на трибунах старого стадиона «Арсенал», постоянно гудели зрители. В детстве его в основном воспитывала крайне эксцентричная бабушка, Роза Айзекс Корр. Семья Розы происходила из общины евреев-сефардов из Стэмфорд-Хилла, а сама она хотела стать актрисой, но в итоге лишь сдавала под театр комнаты, промышляла мелкими аферами с художественными ценностями и проталкивала на сцену своих протеже. Еще больше вас потрясет, наверное, ее дочь, Эмили, мать Малкольма, которую члены семьи называли «проституткой», хотя «работала» она скорее куртизанкой, ведь ее самым знаменитым партнером был сэр Чарльз Клор, поселивший ее в своих апартаментах в Монте-Карло. Сейчас семья Вивьен более открыто обо всем рассказывает, чем раньше, а множество странностей в большой семье Корр-Айзекс-Макларен точно объяснено Вивьен так: «Малкольм в детстве не знал материнской любви, в этом корень всех его бед». Их сын Джо еще более прямолинеен: «В общем, матери он был не нужен, а Роза была абсолютно невменяемой».

Отец Малкольма, Питер Макларен, инженер из Шотландии, завещал сыну только свой цвет лица и волос («кремовый и красновато-коричневый», согласно знаменитому описа-

нию Сида Вишеса), и больше ничего. По правде говоря, рыжие волосы были у членов семьи Макларен с обеих сторон: Корры были португальскими евреями, которые, как сказала Вивьен, «на остальных евреев смотрели свысока». «Малкольм был похож на свою бабушку Розу, мы с ней всегда друг другу нравились. Правда, в семье Малкольма часто ругались – даже слишком часто. Вот и Малкольм стал таким же». В семье был и второй сын, Стюарт, но он выбрал совершенно иную жизненную стезю, поэтому Кора Корр, внучка Вивьен, узнала о его существовании только на похоронах своего деда. Еще Роза Айзекс Корр установила семейную традицию, которой потом следовали ее дочь, внук, а теперь и правнук, – наобум брать себе фамилию из имеющихся вариантов, а затем менять ее на другую, повинаясь прихоти, по стечению обстоятельств или чтобы скрыться от налоговых органов. Розу Айзекс мало кто называл миссис Корр. Ее дочь Эмили редко величали миссис Макларен. Малкольм большую часть жизни носил фамилию Эдвардс, взяв ее у второго мужа своей матери, местного предпринимателя, занимавшегося текстилем. А сын Малкольма и Вивьен, Джозеф Фердинанд, получил фамилию Корр в честь эксцентричной прабабки Розы, будто для того, чтобы стрелки часов сделали полный оборот назад, прямо как часы у входа в магазин Вивьен «World's End». Его дочь, единственная внучка Вивьен, по ее же предложению, с гордостью носит имя Кора Корр. Все это напоминает какое-то повторяющееся из поколения в поколение нежелание признаваться, что они – семья. «Когда вырос в семье, которая никогда не хотела таковой быть, – позже заметил Макларен, – тебе очень-очень трудно вести себя, как обычный человек». Несмотря на это, он всегда любил свою деспотичную бабушку. То, что Малкольма воспитала Роза Корр, в какой-то степени подготовило его к жизни с миссис Вествуд. «Роза была женщиной, создавшей вокруг себя собственный мир, так что всем остальным приходилось либо жить в нем, либо забыть о ней вообще, – писал Малкольм. – В этом мире было гораздо лучше, чем в том, в котором мы живем: в нем было гораздо больше душевности и гораздо больше страсти. Это был блестящий мир. Он сиял». Ради такого же мира живет и Вивьен.

Когда мы писали эту книгу, присутствие Малкольма Макларена ощущалось и ощущается не меньше, чем присутствие Доры и Гордона Суайр. Нельзя полностью понять Вивьен – какое место она занимает в пантеоне культуры или как она из учительницы начальной школы стала панк-модельером, – не поняв Малкольма, так же как нельзя понять, откуда в ней такая сила, не зная о жизни ее деятельных родителей. «Малкольм очень сильно повлиял на Вивьен, он изменил ее жизнь, – вспоминает тот, кто их познакомил, – брат Вивьен Гордон. – Что ни говори, Малкольм умел изменить жизнь других людей, он изменил мою жизнь и, конечно, жизнь Вивьен. Пожалуй, он изменил жизнь всех, с кем был знаком».

Жизнь Малкольма, до того как они с Вивьен познакомились, серьезно повлияла на формирование его личности и на работу с Вивьен. И Гордон, и Вивьен, и Джо независимо друг от друга отмечают, что Малкольм был человеком невероятно вдохновенным и глубоко травмированным. Именно поэтому он был обаятелен и опасен. Этот великий притворщик, эксцентричный диссидент от моды и склонный к аферам рок-н-ролльщик, словно злобещий Свенгали, персонаж романа «Трильби», державший во власти своих чар Вивьен и «The Sex Pistols», был человеком исключительно уверенным в себе и в то же время остро нуждавшимся в заботе и внимании. Без сомнения, именно из-за того, что Малкольм чувствовал себя отвергнутым, ему необходимо было всех поражать, ослеплять: журналистов, бабушку Розу, Вивьен. Но неумная жажда внимания сделала его завистливым к чужим успехам, не важным – панк-рокеров, своей возлюбленной или собственного сына. Он так жаждал внимания, что постоянно требовал от Вивьен признавать его талант и полностью отречься от своего. В том числе и поэтому Малкольм и Вивьен так яростно ссорились, Малкольм доводил Вивьен до слез, например угрозами, что засудит собственного сына за нарушение авторских прав или что разрушит компанию и плоды творчества женщины, вместе с которой они изменили

ход истории моды. Поэтому Вивьен, обычно в высшей степени благодарная своим соавторам, внесла некоторые коррективы в предыдущую версию книги. Теперь уже нет никакой нужды удовлетворять потребность Малкольма в эмоциональной поддержке, так что изменения в описании ее собственного вклада в культуру – заслуженное воздаяние женщине и творческому союзу, к которым отнеслись несправедливо. По ходу подготовки книги незримое присутствие сварливого Малкольма, пожалуй, было неизбежным, однако когда я заметил, как, рассказывая о нем, люди улыбаются, то отчасти понял, как ему удавалось воодушевлять их и манипулировать ими. «Просто, находясь с ним рядом, ты понимал, насколько все в мире «осуществимо», а еще ты смеялся, постоянно смеялся, – вспоминает Гордон. – Малкольм был самым забавным, остроумным, тонким человеком, которого я когда-либо встречал. Удивляешься, когда люди добиваются такого невероятного успеха, как Вивьен и Малкольм: сперва кажется, что между жизнью и мечтами стоит высокая толстая стена, а ты выглядываешь из-за нее и думаешь: «Боже мой, вот так разница! Будто совсем другой мир». В том-то и заключался дар Малкольма: он вел людей в этот мир, потому что в действительности сам никогда не жил в реальности. Он показал Вивьен, чего можно достичь, и позволил ей мечтать. И не важно, что было потом, он все равно подарил ей самый чудесный подарок, который только бывает». Согласитесь, довольно четкое определение таланта Малкольма и секрета его притягательности. Потом Гордон добавил еще кое-что, совершенно потрясшее меня: «А знаете, ведь Вивьен с Малкольмом смеялась. Очень много смеялась. Особенно поначалу. Сейчас она бывает ужасно серьезной. Хотя я помню, какой веселой она была в детстве. И Малкольм снова вернул ее в детство. Ненадолго. У нее очень, очень, очень приятный смех».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.